Что может заставить современного человека тратить свой единственный выходной в библиотеке на краю города? Только глубокое увлечение игрой, страсть к синхронам, дуплетам и дурацким формам.

Эта повесть — фрагмент будущего романа о чегекашниках. Нет, не о знатоках в бабочках и смокингах из телепрограммы «Что? Где? Когда?», а об участниках спортивной версии этой игры — молодых и зрелых, серьёзных и сумасбродных, тихих и самодовольных. О тех, кого не показывают по телевидению.

Снова поезд, снова ночь —
Значит, снова время прочь…[1]

— Садитесь к столу, Оля.
— Спасибо, Анатолий Михайлович, мне и здесь удобно.
— Ну, раз так… Тогда передвиньте поближе ваш замечательный пирог.
— Так бы сразу и сказали! — с шутливой укоризной Оля поставила контейнер на столик.

Я прыснула, но не громко, чтобы не разбудить соседей по купе.
— Вы не думайте, что я отбираю у вас последнюю еду, — говорил Барчуков, деловито отрезая кусок пирога пластмассовым ножиком. — Наоборот, я сам хотел вас угостить. У меня есть шоколадка. Будете?
— Нет, спасибо.
— А я буду. И Олиного пирога мне положите, пожалуйста! — влезла я с самым невинным видом.

Ну а что? Час назад я и сама угощала всю команду «Плюс шесть» сушёными ананасами!

Мы ехали уже несколько часов, и почти треть дороги в Иркутск была позади. Все скачанные пакеты вопросов[2] были прочитаны, все дорожные байки рассказаны, а ананасы и солёная соломка, припасённые на завтрашнюю игру, стремительно умяты. Все соседи по купе, игроки барчуковской команды, давно задремали, кроме Василия — тот устроился с электронной книгой в углу своей нижней полки, любезно предоставив нам с Олей остальное пространство. Все наши протесты он отверг со словами, что и так не собирался ложиться раньше полуночи. Впрочем, мы особенно и не настаивали: ни мне, ни Оле не хотелось уходить!..

С наступлением вечера в купе воцарился уютный полумрак. Убаюкивающе постукивали колёса, с верхних полок доносился храп кого-то из «Плюс шести». Мы не спали трое в купе, если не считать Василия: две студентки, из любви к ЧГК отправившиеся в чужой город играть с чужими людьми, и преподаватель — тренер вузовской команды, звезда красноярского интеллектуального клуба и наш давний тайный кумир.
— Вы впервые едете в Иркутск, Оля? — спросил Барчуков, задумчиво помешивая чай в фирменном железнодорожном подстаканнике.
— Ага. Но год назад я была в лагере на Байкале. Правда, города тогда совсем не увидела…
— Ничего, мы обязательно всё посмотрим! — решительно вмешалась я. — В прошлом году мы с «Альтаиром» и «Плюс шестью» тоже ездили на Байкальский фестиваль. Вот мы тогда погуляли! Представляешь, я чуть не опоздала на игру во второй день — застряла в музее декабристов! Пришлось вызывать такси и ехать на другой конец города. Ой, Оля, что там за библиотека! Впрочем, сама увидишь, мы в ней будем играть. А какой у нас был хостел!.. Помните, Анатольмихалыч?
— Да. Купеческая усадьба, кажется.
— О-о-о! Оригинальное здание девятнадцатого века! А интерьеры какие! Наш Саня Петроченко ещё расхаживал по комнатам и орал: «Аксинья, отворяй ворота! Не видишь, барин приехал!..»
— О да, представляю… — прыснула Оля. — Это так на него похоже!

Барчуков чуть улыбнулся, отставил чай, вынул из дорожной сумки ноутбук и застучал по клавиатуре.

Пейзаж за окном, как бывает в долгих сибирских поездках, за последние три часа почти не изменился — разве что подступила темнота. На подъезде к станциям однообразную картину «Вечер в сосновом лесу» (без медведей — и на том спасибо) оживляли лишь одинокие привокзальные фонари. Их свет полоской проносился по столику,

1. Стихи Анастасии Прохоренко.
2. Традиционно вопросы спортивного «Что? Где? Когда?» комплектуются в пакеты. Чаще всего пакет состоит из трёх туров по двенадцать или пятнадцать вопросов.

подсвечивая янтарным блеском давно остывший чай в подстаканнике.

Оля сидела, подобрав под себя ноги, и в полумраке поезда напоминала фигуру с полотна Рембрандта; её рыжие волосы посверкивали медью. Профиль Барчукова, подсвеченный экраном ноутбука, был бледен, словно бюст античного героя.

Меня одолевало странное волнение. Я готова была сыграть ещё пару туров тренировочного пакета, но вопросы давно кончились, а другие игроки похрапывали на полках. Устав от молчания и неподвижности, я вскочила с места:

— Пойду-ка заварю себе ещё чаю. Оля, можно взять пакетик?

— Конечно.

— Ага, спасибо. Вам налить, Анатольмихалыч?

— Нет, благодарю вас,— покачал головой Барчуков.

Я вышла в коридор и встала у окна. Из форточки вместе с грохотом и лязгом колёс упруго ударила струя тёплого августовского воздуха, пропитанного пьянящим машинным запахом. Понятия не имею, чем это так пахло, но с самого раннего детства и поездок на Чёрное море (четверо с лишним суток в одну сторону!) именно этот аромат вызывал во мне острую тягу к путешествиям.

Который час?.. В Красноярске, пожалуй, уже за полночь. Я полезла за телефоном и вспомнила, что он разряжен. Да, впрочем, есть ли разница? Часом меньше, часом больше… Тем и хороши поезда, что позволяют на день-два выпасть из реальности и пожить в совершенно безумном дорожном графике.

«Меж мирами безвременье…»

Откуда это? А, точно, из Олиных стихов! Стихотворение было коротким и непритязательным — видно, сочинено экспромтом,— но некоторые строчки накрепко мне запомнились.

Забыв о том, что ходила за чаем, я ворвалась в купе и объявила, размахивая кружкой:

— Знаешь, Оля, у меня в голове всё вертятся твои стихи!

— Это какие же?— встрепенулась Оля.

— Про нашу поездку в Томск.

— А, эти…— Оля чуть улыбнулась.— «Снова поезд, снова ночь…»

— Атмосферно, и ритм подходящий,— одобрила я тоном профессионального поэта (о том, что своё единственное стихотворение я писала уже полгода, мне не хотелось вспоминать).— Та-та та-та та-та та… Очень похоже на поезд, мне кажется. И вот эти последние строчки прямо западают в душу:

Под мельканье семафоров
Километры разговоров…

Всегда сдержанная Оля просияла, и мы, не сговариваясь, повернулись к Анатолию Михайловичу.

— Да,— проговорил Барчуков, не отрываясь от ноутбука,— хорошая вышла поездка.

Почти полгода назад мы точно так же, ночным поездом, возвращались с томского «Ю-майнда». Всегдашняя суматоха выезда, золото ЧГК, наконец, приближение весны — всё это кружило голову. Два часа мы провели в электричке за традиционной игрой в «Банальности», после поужинали в ресторанчике на станции с суровым названием «Тайга», а затем бегали по перрону в поисках нужного вагона… Поездка шла своим чередом, но ровно до того момента, как мы сели в поезд.

Ребята из нашей студенческой команды уснули, едва упав на полку. «Плюс шесть» тоже не заставили себя ждать, и через пару часов во всём плацкартном вагоне остались бодрствовать только я, Оля и Барчуков. (Ну и, конечно, настырная проводница! В сотый раз она проходила со шваброй мимо нас, жалуясь на то, что мы своей болтовнёй мешаем каким-то спящим детям. Это было не совсем справедливо: на месте детей я бы негодовала не на нас, а на оглушительный храп Василия.)

Тогда мы проговорили всю ночь напролёт, до самого прибытия в Красноярск в седьмом часу утра. Как ни странно, вспомнить, о чём мы тогда беседовали, мне было бы очень нелегко! Кажется, Оля увлечённо рассуждала о стихах и неохотно — о нелёгкой жизни дипломника (она была старше меня всего на год, но училась уже на четвёртом курсе, в то время как я — только на первом). Я травила анекдоты из жизни — вроде того, как однажды в школе во время учебной тревоги заперла класс изнутри, оставив ненавидимую учительницу в коридоре на съедение проверяющим. Барчуков тоже не оставался в стороне — его коллекции историй, случившихся на выездах, хватило бы и на дорогу Москва — Владивосток.

Но и просто молчать было необыкновенно хорошо. В голове после сумасшедшего дня и бессонной ночи стоял обволакивающий туман. Всё казалось настолько неправдоподобным, что я в первый миг даже не удивилась, увидав в окне над чёрной стеной тайги обжигающе-яркие искры. Над поездом словно зажгли огромный бенгальский огонь!

— Оля, смотри сюда!

— Ох… Анатолий Михайлович, вы знаете, что это?

— Это дымит локомотив. А в чём вопрос?

— Ну вы чего?! Ещё б сказали, дрова горят. Мы же не в девятнадцатом веке!

— Неужели вы не знаете принцип работы тепловоза? Локомотив использует и электричество, и обычное топливо. Впрочем, может быть, гуманитариям это и не нужно…

— Вот опять ваши подколки! К вам серьёзно, а вы…

— Я и ответил серьёзно…

В окне из-за дыма и дождя искр едва виднелись бледные звёзды.

Августовская ночь совсем не походила на мартовскую: говорили меньше, а в первом часу и вовсе

разошлись по вагонам. И всё-таки душу будоражило томительное чувство того, что выезд ещё только начинается и что впереди целых два дня игр, знакомств, переживаний… иначе говоря — полного выпадения из повседневности!

Спать не хотелось. Я лежала на верхней боковой полке — лучшем месте для лентяев-созерцателей, где удобнее всего лёжа смотреть в окно — и прижималась носом к холодному стеклу, безуспешно пытаясь разглядеть знаменитые Персеиды. В голове под стук колёс вертелась какая-то ритмичная чепуха: почти что час — пора бы спать — опять плацкарт — сосед храпит — вот повезло…

И последнее совсем не было сарказмом. Вспомнить только те безумные три недели, в которые я воевала с судьбой за право съездить в Иркутск! Препятствий было столько, что впору было десять раз передумать и отказаться от поездки… Но меня всё не оставляла мысль, что турнир в соседнем городе, выпавший на мой день рождения, — это несомненный знак судьбы. Или же просто хороший повод вырваться куда-то в уходящие каникулы.

Как бы то ни было, выезд начался многообещающе!..

Если бы о нашей поездке сняли фильм, а мне довелось быть его звукооператором, я бы наложила на утро нашего прибытия в Иркутск «Чардаш» Монти. Точно так же, меняя темп с неторопливого анданте на суматошное аллегро, я сперва ждала очереди умыться, а потом быстро собиралась, одновременно вызывая такси. Затем ещё быстрее, в аллегро виваче, мы с Олей бежали по привокзальной площади, волоча за собой чемоданы, в поисках нужной машины.

— Говорила же, надо было брать билеты на семичасовой! — выговаривала мне Оля, не сбавляя скорости.

— Так не было же!

— Тогда на ночной! Всё лучше, чем на приходящий за час до начала игры!

— Ну извини. Между прочим, мы не одни такие. Вон, Барчуков не побоялся же везти на нём команду!

— Тоже верно…

Анатолий Михайлович был для нас безусловным авторитетом. Все студенческие команды нашего клуба восхищались им, слагали о нём легенды и анекдоты и втайне собирали из его фотографий пакет стикеров «Барчуков на каждый день». Обращались к нему исключительно по имени-отчеству, и не в силу преклонного возраста — ему было только тридцать шесть, — а по студенческой привычке. В то же время всех игроков «Плюс шести», ровесников Барчукова, мы свободно называли по именам.

Иное дело «Альтаир» — команда, в которой я играла на постоянной основе. Ребятам оттуда было по двадцать пять — двадцать восемь лет, они уже пережили пору юношеского пиетета и теперь не упускали возможности сыронизировать над бывшим тренером. Это, впрочем, не мешало им оставаться с ним в неплохих отношениях — иначе разве бы Анатолий Михайлович пригласил Женю и Лизу Дашкевичей на время выезда в свою команду?..

Так или иначе, часть «Альтаира» временно примкнула к «Плюс шести», часть разъехалась на каникулы, оставив своего юного падавана, то есть меня, в полном одиночестве. Студенческая команда, в которой постоянно играла Оля и изредка я сама, тоже не смогла собраться в Иркутск. Оставалось одно — записываться в легионеры[3]. И в последний день приёма заявок — даже не преувеличиваю — я обнаружила объявление о том, что студенческая команда из Читы ищет двоих игроков!

Уже через час мы с Ваней, капитаном «Читаго Бэрз» (не только чегекашником, но и заядлым спортсменом — видно из названия команды!), болтали в чате как старые знакомые. Ваня прислал мне селфи на фоне ошеломительно голубого озера — там, в Байкальском лагере интеллектуальных игр, в этот момент отдыхали читинцы. Именно в лагере они и узнали о намечавшемся фестивале — оба мероприятия организовывали одни и те же люди. Но «читинских медведей» было только четверо, и им оставалось набрать ещё двоих игроков[4].

Времени на сомнения не было — на место второго легионера я сразу предложила Олю. Описание наших достижений (победы в вузовских играх, медаль ЧГК из незабвенной поездки в Томск и даже участие в студенческом чемпионате России!) произвело потрясающий эффект, и Ваня принял нас, не раздумывая.

Вечером того же дня я уже покупала билеты на поезд.

Я тряхнула головой и бросила на Олю полный страдания взгляд. Так, ещё раз.

Ваню я помню — капитан команды и баскетболист под два метра ростом. Парень в шляпе с видом философа — вроде бы Кирилл. А девушек-то как зовут?..

— Очень приятно, ребята, только вот что… Не обижайтесь, если я не запомню всех сразу.

— Ерунда! — махнул рукой капитан. — Организаторы на этот счёт придумали хорошую штуку.

3. Легионер — игрок, выступающий на турнире в составе чужой команды.

4. Как и в телепрограмме «Что? Где? Когда?», в спортивной версии ЧГК команда состоит из шести игроков. Можно играть и меньшим составом, вплоть до одного человека. Однако на важных турнирах команды стремятся собрать максимально боеспособный состав и в случае недобора приглашают легионеров.

Смотрите, девчонки,— он показал нам на лежащие на столе картонки с прикреплёнными шнурками для ношения на шее.— Это фирменные бейджи для каждого участника. Имя, название команды, город, а на обороте — расписание турнира. Разбирайте!

Я едва подавила восхищённый вздох. Даже Оля, обычно скупая на эмоции, одобрительно кивнула:

— Вот это, я понимаю, организация! Прямо программа поддержки легионеров!

— Это ещё что! Вы не видели, что в холле бесплатно наливают кофе? Как не видели? Неужели мимо прошли?..

До начала турнира ещё оставалась уйма времени — как глубокомысленно сказал один из наших новообретённых сокомандников (вероятно, Кирилл), «впору, чтобы перевернуть мир или оставить так — сам перевернётся». Оля расспрашивала ребят о Байкальском лагере, в который сама ездила год назад. Я со скуки оглядывала зал, заполненный пока на треть, не больше.

За столом организаторов царила всегдашняя — перед игрой — суматоха, пока что не переходившая в панику (это обычно случалось за пять минут до начала фестиваля). Возле на диванчике сидели, уткнувшись в телефоны, скучающие «ласточки»[5]. Фотограф носился по залу, снимая то старых приятелей, обнимающихся после разлуки, то баннер с эмблемой фестиваля, то столик с заманчиво сверкающими медалями и кубками.

На подходе к сцене группа студенток атаковала почётного гостя и ведущего, знаменитого Игоря Михайлова. Круглый и добродушный Михайлов, поняв, что бегство невозможно, обезоруживающе улыбнулся и встал в центр общего селфи.

Куда же делись «Плюс шесть»? Ведь мы приехали одним поездом!

В нескольких метрах от нас за столом сидел незнакомый мужчина и с явным интересом разглядывал нашу команду. Немного помедлив, он вскочил и с улыбкой подошёл к нашему столу:

— Доброе утро! Что делают с людьми форменные футболки — видел вас, но не сразу узнал.

Читинцы поздоровались и обменялись с незнакомцем парой реплик, но большого интереса к нему не проявили. Мы с Олей переглянулись, она недоуменно пожала плечами. Но «программа поддержки легионеров» снова нас выручила — на бейдже нашего собеседника было написано: «Сертифицированный редактор[6] и арбитр МАК[7] Владимир Константинович Тарасенко, г. Киев».

— О-о-о! Так вы тот самый редактор!

Оля испуганно переводила взгляд с меня на «того самого». Несмотря на приличный игровой опыт, она с трудом запоминала фамилии вопросников. Да и я — чего греха таить! — узнала Тарасенко лишь потому, что накануне прочитала посвящённую ему заметку в группе фестиваля. О нём рассказывали немного — то, что он приехал в Байкальский лагерь почётным гостем, провёл там мастер-класс по написанию вопросов, а затем будто бы решил остаться на фестиваль в качестве рядового легионера.

Господин Тарасенко, пожалуй, не выглядел так, как полагается солидному и всеми любимому почётному гостю. По крайней мере, он очевидно проигрывал по части харизмы полному и импозантному Игорю Михайлову! Невысокий худощавый блондин неопределённого возраста (ещё не старик, но на лице заметные морщины — наверное, глубоко за сорок), он не привлекал к себе внимания с первого взгляда. Но тут знаменитый в узких кругах вопросник улыбнулся — открыто и даже чуть наивно — и словно преобразился:

— Рад знакомству. Наталья, не так ли? Можно просто Владимир. Ольга? Очень приятно… Подошёл поприветствовать знакомых по лагерю… Но вас там совершенно точно не было — я бы вспомнил. Откуда вы прибыли? Решили составить молодым людям компанию?

— Ага, мы легионерим. Приехали из Красноярска.

— Красноярска?! — ахнул Владимир. — Постойте, из Красноярска?.. Так вы, наверное, знаете Анатолия Барчукова? Как я хотел бы увидеть его вживую!

— Надеюсь, это не сарказм? — Оля нахмурилась — очень, очень нехорошо.

— Что вы! Честное слово! Я играл с ним в турнире по скайпу, но в реальности мы не встречались.

— Ладно, Владимир, — я оглянулась по сторонам и понизила голос, — я устрою ваше знакомство. Конечно, это будет непросто — у Анатолия Михайловича довольно поклонников, но вам повезло: он тренирует нашу команду, и поэтому…

— Наташ, не валяй дурака! — перебила меня Оля. — Вон они идут. Хотите познакомиться — ловите!

Громогласный хохот Матвея Фомина возвестил о прибытии красноярской сборной.

У Фомина было чрезвычайно полезное свойство: по его внешнему виду все сразу понимали, как успехи у «Плюс шести». Если Матвей в перерыве между турами приходил к нашему столику и, победоносно улыбаясь, спрашивал у Дашкевича: «Сколько у вас?» — становилось ясно, что мы безнадёжно от них отстаём. Если же Фомин, не говоря ни слова, исчезал куда-то и возвращался только к следующему туру, «Альтаир» приободрялся и шутил, что Барчуков теряет форму. Ну а то обстоятельство, что огромная толстая фигура Матвея

……

5. «Ласточки» — помощники оргкомитета, собирающие у команд бланки с ответами и передающие их игровому жюри.

6. Редактор в понимании игроков ЧГК — это человек, который пишет вопросы (иногда его также называют вопросником) или занимается их обработкой для помещения в пакет.

7. МАК — Международная ассоциация клубов «Что? Где? Когда?».

легко виднелась через весь зал, и вовсе превращало его в гигантское табло результатов «Плюс шести».

Сейчас Матвей прямо-таки светился, словно золотая медаль. За ним вошли Василий с Андреем, оба, как и Матвей, в форменных командных рубашках. Легионеры команды, Женя и Лиза Дашкевичи, были в повседневном и держались особняком. Капитан «Альтаира» и его жена, оба высокие и стройные, были похожи друг на друга точно брат с сестрой — сходство было даже в цвете волос и чертах лица.

Увидев, что я машу им рукой, Женя кивнул в ответ и что-то сказал Лизе. Пусть «Альтаир» и не собрался на фестиваль, отчего нам пришлось разбежаться по другим командам, — сейчас вспоминать это и дуться друг на друга было бы неуместно.

Последним вошёл Барчуков и, не обратив на нас внимания, направился к столу организаторов. Заметив его, председатель жюри вскочил с места и с искренней улыбкой пожал ему руку; они перебросились парой фраз.

С видом полководца, выезжающего на поле сражения, Анатолий Михайлович прошёл к своей команде. (Правда, вряд ли какой-нибудь главнокомандующий надел бы перед сражением фиолетовую футболку с эмблемой детского интеллектуального лагеря…) Барчуков был собран и серьёзен; в нём не было никакого сходства с тем человеком, что вчера заразительно смеялся над мастер-классом Матвея по приготовлению «Доширака».

— Это и есть Барчуков? Я думал, он выше ростом, — удивился Тарасенко (я и позабыла о его существовании!). Оля метнула в сторону редактора взгляд, от которого мне стало не по себе.

— Да ладно вам, Владимир! Вспомните про Наполеона. Он ведь тоже не был высоким, а ещё окружал себя огромными гвардейцами. Точь-в-точь Барчуков и «Плюс…»… ай!

Невидимый, но чувствительный укол ручкой в бок прервал мой экскурс в историю.

Владимир кивнул и, недолго думая, бросился к столу красноярцев. Я долго крепилась, но не удержалась и прыснула.

— М-да. В моём понимании знаменитые редакторы с четырьмя тысячами вопросов в Базе[8] выглядели совсем иначе, — пробормотала Оля.

Только теперь я заметила, что во время нашего разговора она успела нагуглить целое досье на Владимира.

— Ой, и ты туда же! Зато у Анатольмихалыча появился ещё один фанат.

— Ну-ну. Что-то Барчуков не особенно этому радуется…

Игру задерживали. По традиции иркутских чегекашников скорое начало фестиваля обозначали, включая песню «Everybody», — и теперь она звучала третий раз подряд. Группа девчонок, до того преследовавшая Михайлова, переключила своё внимание на звезду телеклуба «Что? Где? Когда?» Витю Всеволожского, юного, миниатюрного и до безумия хорошенького умника. Правда, после богатого на события интеллектуального лагеря (читинцы рассказали, что Витя вместе с Тарасенко был там почётным гостем) его личико казалось немного помятым, а оглушительное «Everybody» заставляло молодого человека морщиться и хвататься за виски. Однако эта деталь ещё больше умиляла поклонниц.

— Хочешь с ним сфотаться? — предложила моя новообретённая сокомандница Лена, потянувшись за камерой. — Витя — мировой парень, ни капли не зазнаётся. Даже не скажешь, что каждую неделю мелькает в телевизоре.

— Спасибо, не надо, — мы с Олей переглянулись, и я расхохоталась.

Надо же! Ещё этой весной, попав в Москву на студенческий чемпионат России, я подкарауливала Всеволожского с одолженной селфи-палкой, а сейчас гордо игнорирую его присутствие.

— Вот Тарасенко — другое дело. Сфотографируешь нас в следующем перерыве? Заодно попросим у него автограф.

— Не проблема.

— Ну конечно. Любви все возрасты покорны… — еле слышно протянула Оля.

«Кто бы говорил!» — съязвила я (увы, только мысленно!).

Не отдавая себе отчёта, я мельком глянула в сторону Барчукова, и мне стало нестерпимо стыдно за мою колкость. Стоя у стола, Анатолий Михайлович всё с тем же генеральским видом что-то объяснял команде, указывая на лежащий бейдж с расписанием. Ребята слушали с умным видом, Дашкевич деловито переспрашивал.

За столиком жюри кто-то крикнул:

— Можно! — и набившая оскомину «Everybody» сменилась вступлением к «Так говорил Заратустра».

Михайлов неспешно поднялся на сцену, встал за кафедру, перелистнул папку с вопросами. Я почувствовала, как меня захлёстывает волна адреналина.

— Начинаем! — выдохнула Оля.

— У вас есть какая-нибудь командная кричалка? На удачу, — шепнула я Ване.

Тот замотал головой.

— Тогда давайте — просто — что-нибудь — проорём!

Тарасенко оглянулся в нашу сторону, по его лицу скользнула смущённая улыбка.

— Ну, ребята, — объявил Ваня, перекрикивая финальные аккорды оркестра и аплодисменты, — в таком составе мы просто обязаны тащить!..[9]

……

8. База вопросов — святая святых каждого чегекашника; это сайт, на котором хранятся вопросы почти всех когда-либо проводившихся турниров.

9. «Тащить» на сленге — то же, что «успешно играть».

— На самом деле все игроки тащат.
— М-м?
— Так и есть. Просто кто-то вверх, а кто-то на дно.
— Глубокая мысль, Кирилл.
— Знаю.

Мы сидели в пиццерии около библиотеки Иркутского университета и ждали, пока вернётся капитан с заказом. Настроение команды варьировалось от философского до подавленного. На медаль ЧГК уже не стоило и надеяться, в «Брейн-ринг»[10] и «Эрудит-квартет»[11] «Читаго Бэрз» не прошли. Оставалась лишь слабенькая надежда на завтрашнюю «Свою игру»[12], куда пробился Кирилл, наш философ в шляпе.

Было только время обеда, и всё же игровой день для нас подошёл к концу. Может быть, этот выезд не стоил потраченных на него нервов?..

Вернулся печальный Ваня с тремя квадратными коробками и пачкой сока. Все очнулись от депрессии и сперва уныло, а потом и увлечённо стали спорить, обмениваться пиццей и считать, сколько кому должно достаться кусков. Я смотрела на стремительно убывающую пиццу, наморщив лоб, и пыталась вспомнить что-то важное.

А, вот оно! День рождения!
— Ребята, как вы относитесь к суши? — начала я издалека.

Кирилл закивал с набитым ртом.
— Положительно, — расшифровал Ваня. — Вон, вчера вечером заказывали на всю команду.
— Тогда не пойдёт. А к сладкому?
— Тоже неплохо. Мы вообще всеядны. А зачем ты спрашиваешь?
— Это пока секрет…

Все замолчали, занятые поглощением пиццы. Мне отчего-то стало нестерпимо грустно: ни медалей, ни ярких впечатлений — только незнакомые люди вокруг, которые даже не знают о том, что завтра мне исполняется двадцать лет. Все родные и друзья — почти в тысяче километров отсюда… Никогда прежде я не отмечала день рождения на выезде.
— Ой, ребята! А помните, как мы заказывали пиццу на Ванин ДР? — ахнула одна из девочек, имя которой я так и не успела запомнить, и принялась пересказывать историю для нас с Олей.

Драма о рассеянном курьере, перепутанных коробках и страшной борьбе между голодом и совестью завершилась тем, что диспетчер доставки объявила: «Ладно, съедайте уже то, что вам принесли!» Тут было чему радоваться: вместо оплаченного пирожка кальцоне ребята получили огромную карбонару!

Анекдот из жизни в сочетании с пиццей совершил невозможное — мы понемногу ожили после провала. Ехать в хостел и спать, спать, спать уже не хотелось. Неожиданно напросилась мысль: а ведь «Плюс шесть» наверняка сыграли лучше нас, надо бы найти их и расспросить…

Оля, кажется, думала о том же, роясь в телефоне.
— В три часа начнётся «Эрудит-квартет», — наконец шепнула она. — Пойдём болеть за наших?
— Почему бы и нет! Знаешь, в какой они аудитории?
— Пока ищу…

Читинцы расплатились (в том числе и за нас с Олей, хоть мы и отнекивались) и начали собираться.
— Девчонки, пойдёте с нами в кино? — предложил Ваня. — Мы взяли билеты на половину пятого. Тут далековато, но мы ещё успеем.
— Нет, спасибо, мы лучше вернёмся на игру, — покачала головой я, наливая себе ещё сока из пачки.
— Ну, как знаете. До завтра!

Я посмотрела вслед двухметровой фигуре капитана, поднесла стакан к губам… и поперхнулась.

Оля бросила на меня взгляд, полный осознания катастрофы, и вскочила из-за стола.
— На половину пятого! Так сейчас, выходит, без пятнадцати четыре!
— Погоди… — протянула я, вытирая лицо салфеткой. — Так ты что, не перевела часы?
— Ну конечно! Мы выехали всего-то на три дня, зачем что-то менять на такой короткий срок?..
— То-то я думаю, почему ты чуть не опоздала на поезд!
— Ой, не надо, а? Поезд был ещё в Красноярске!

Переругиваясь, но без злости, а больше с досады, мы выбежали на улицу и бросились к библиотеке. Что за день такой, подумалось мне: бегаем и проигрываем, проигрываем и бегаем.

Здание библиотеки, которое я влюблённо расписывала Оле ещё в поезде, казалось одновременно монументальным и полувоздушным: первое достигалось за счёт расположения на небольшом холме, а второе — из-за стёкол по всему фасаду,

……

10. «Брейн-ринг» («брейн») — командная интеллектуальная игра. Команды играют попарно, устно отвечая на вопросы ведущего (как и в ЧГК, цель игры — дать как можно больше правильных ответов). Право отвечать команда получает, нажав кнопку со звуковым или световым сигналом.

11. «Эрудит-квартет» («эрудитка») — разновидность «Своей игры», в которой участвуют четыре игрока из разных команд; в каждом раунде игроки меняются. Итоговый счёт команды складывается из результатов её игроков.

12. Спортивная «Своя игра» («свояк») — индивидуальное интеллектуальное состязание. Как и ЧГК, основано на игре из телевизионной программы. Участники отвечают на вопросы разного номинала (от десяти до пятидесяти очков); при верном ответе очки прибавляются к счёту игрока, при неверном — вычитаются из него. Игрок получает право ответить, нажав раньше других на кнопку. В разговорной речи игрока, выступающего в «Своей игре», называют «своячником».

отражавших небо. В любое другое время я бы залюбовалась этим местом, но теперь, к несчастью, я только бесилась на то, что приходится бежать в гору. К слову, мы так и не догадались оставить где-нибудь наши чемоданы, а потому наш забег превратился в неплохое физическое упражнение.

…Нашего появления в зале никто не заметил. Анатолий Михайлович стоял у столика ведущей и что-то раздражённо доказывал; трое его соперников сидели за игровым столом, кто со скучающим, кто с крайне недовольным видом. В зале стоял гвалт.

Мы бросили вещи в угол зала и присели на первые попавшиеся места. Оля молча кивнула в сторону «Плюс шести», сидевших довольно далеко от нас. Ребята погрузились с головой в телефоны, словно играли в модную онлайн-викторину «Смарт». Нашли время!

— И так уже пятнадцать минут. Представляете? — прошептал мне на ухо знакомый мягкий голос с чуть заметным южным выговором.

Я вздрогнула и рывком обернулась. Владимир, сидевший прямо за нами, широко раскрыл глаза:

— Я напугал вас? Простите… Вы пришли вовремя: возможно, сейчас решается судьба всей игры.

— Да что случилось? — вмешалась Оля.

— Ваши земляки апеллируют на зачёт…[13] — начал было Тарасенко.

Тут же возле нас кто-то крикнул с неподдельной мукой в голосе:

— Хорош уже! Засчитайте им эти пятьдесят очков, а то мы здесь до ночи просидим!

— Э, вот не надо! — поднял руку парень в толстовке Томского университета, скучавший за игровым столом. — Если «календаря» нет в зачёте[14], то это однозначно минус.

— Да это одно и то же! — возмутилась Лиза Дашкевич.

Я не сдержала усмешку: если бы подобная история произошла в Красноярске, Лиза с Женей, пожалуй, сами предложили бы снять с Барчукова лишние баллы, «чтобы жизнь мёдом не казалась». Но здесь, на выезде, сплавленный с «Плюс шестью» «Альтаир» стоял за капитана горой.

— Вот как бы вы сказали, Наталья? Финальный вопрос темы, на кону пятьдесят очков. В ответе требуется назвать два слова, начинающиеся на соседние буквы алфавита. Авторский ответ — «мусульманское летоисчисление». Анатолий выжимает кнопку и сдаёт «лунный календарь». Зачли бы вы такое или нет? — в голубых глазах Владимира плясали азартные искорки.

— Конечно, зачла бы! — возмутилась Оля. — Это автор виноват в том, что критерии зачёта слишком узкие. Наверное, даже не пытался тестировать[15] на ком-нибудь свои вопросы!

— Ну, это вы слишком. А вы как думаете, Наталья?

— А я вот не знаю… Если бы я была ведущей, то не стала бы ничего решать без организаторов фестиваля. Им уже сообщили?

— Председателя жюри ушли искать десять минут назад. Он ведёт «эрудитку» на другой площадке…

Барчуков обернулся и вопросительно взглянул на своих сокомандников. Женя Дашкевич подбежал к нему со смартфоном, что-то показал ведущей. Ведущая отрицательно покачала головой.

Хлопнула дверь, и вбежал главный организатор всея иркутского ЧГК — знаменитый Дима Белых, в соответствии с фамилией всегда появлявшийся на публике в белых штанах. Именно с ним с утра здоровался Барчуков.

— Что за кипеж? — с порога вскричал белоногий Дима. — Конечно, засчитывайте плюс пятьдесят, ответ по сути правильный.

— Но…

— Это решение АЖ, то есть моё, — отрезал Дима. — Всё, я пошёл вести площадку. И давайте быстрее, все уже давно доиграли отборочные бои!

Ведущая завозилась с кнопочной системой, добавляя пятьдесят очков. Барчуков резко развернулся и хлопнул по подставленной ладони Дашкевича.

— Неплохо! — с уважением заметил Тарасенко. — Отстояли первое место. Осталось продержаться две последних темы, и красноярцы будут в полуфинале!

— А где же ваша команда, Владимир? — нахмурилась Оля. — Почему вы не играете?

— Я не могу играть, поскольку тестировал эти вопросы, — усмехнулся Владимир. — Ручаюсь вам, Ольга, на чтении дуаль[16] Анатолия не пришла в голову никому из тестеров. А мои иркутяне… не знаю, кажется, они играют в другой аудитории. У меня не сложились с ними отношения. Да что ж это я! А сами вы почему сидите в зале?

---

13. В интеллектуальных играх существует два типа апелляций — на зачёт ответа, который кажется команде правильным, но не был засчитан игровым жюри, и на снятие вопроса, который игроки считают некорректным. Рассмотрением апелляций занимается апелляционное жюри, которое для краткости называют «АЖ».

14. Критерии зачёта, или попросту зачёт — все ответы на данный вопрос, которые считаются правильными. Если редактор аккуратно прописал всё, что должно быть в зачёте, количество апелляций и недовольных игроков уменьшается. Но так бывает не всегда.

15. Тестирование — финальный этап работы над вопросами, проба пакета на игроках. Чтобы проверить качество вопросов, редактор предлагает пакет тестировщикам и дорабатывает его с учётом их результатов и критики. Разумеется, в дальнейшем тестировщики не имеют права играть эти вопросы.

16. Дуаль, или же дуальный ответ — это ответ, который отличается от авторского, однако соответствует всем фактам в вопросе.

— А мы пролетели,— пожала плечами я.— И мимо «брейна», и мимо «эрудитки». Только один парень из нашей команды прошёл в «свояк».
— Как жаль… Тогда мы увидимся с вами завтра утром? Вы ведь придёте поддержать своего товарища?
— Возможно… Пока не решила.

Резко запищала кнопочная система, отмечая неправильный ответ. Оля вздрогнула и закусила губу: Андрей из «Плюс шести» за одну тему до конца игры потерял пятьдесят очков, опустив команду на третье место.
— Они ещё отыграются,— прошептала я.
— Боюсь, Наталья, уже не успеют… Эх, как неаккуратно!

И правда: выход Василия на последнюю тему уже не смог ничего исправить. «Плюс шесть» остались на третьем месте и не вышли в полуфинал.

Андрей сидел с потерянным видом. Его было так жалко, что даже всегда прямая Лиза Дашкевич удержалась от комментария. Махнув рукой, она вышла с телефоном из зала — судя по всему, вызывать такси.
— Печально, очень печально. Что же, пора и мне проведать свою команду — как-никак завтра предстоит целый день играть вместе… Рад был встретиться, Наталья! Всего доброго, Ольга,— и Владимир исчез так же внезапно, как появился.
— Странный он, твой Тарасенко,— поморщилась Оля.— Пойдём к нашим, они, кажется, собрались ехать в хостел.

Я открыла рот, чтобы возмутиться «моему Тарасенко», но не придумала подходящей едкой и не особенно обидной остроты. Рот пришлось закрыть.

…Тёплый и свежий ветер встретил нас на крыльце библиотеки. Было светло, но летний вечер уже понемногу заявлял о себе, так что, стоя на вершине лестницы, можно было дотянуться краешком своей тени чуть ли не до самых ворот.

Хоть игровой день и выдался определённо неудачным, меня переполняла странная эйфория. Я вдохнула полной грудью, запела что-то отдалённо напоминающее моцартовское «Voi che sapete» и со всего размаху сбежала с холма, едва не врезавшись в стену каких-то гигантских, выше человеческого роста, жёлтых цветов.

На Олю чары этого вечера подействовали немного иначе. Улыбаясь, она выглянула из зарослей; в её рыжих волосах светился цветок, похожий на большую ярко-жёлтую ромашку.
— И не совестно вам обдирать топинамбур? — с шутливым укором крикнул Барчуков, спускаясь к нам по лестнице.

Он снова преобразился, словно оставив в библиотеке маску сурового капитана; ветер взлохматил тёмные волосы, расчёсанные на знаменитый пробор. Кажется, Анатолий Михайлович, как и мы, уже позабыл о недавнем поражении и по-своему наслаждался поэзией уходящего летнего дня.
— Почему вдруг совестно? Это же не клумба, а просто заросли. Посмотрите, какой здесь беспорядок,— пожала плечами Оля.
— Ну конечно, конечно… Я вызвал такси. Поедем вместе? Моя команда уже уехала, Матвею нужно решить вопрос с заселением в хостеле.
— Разве этим занимаетесь не вы? — удивилась я.— Вы же капитан.
— А зачем? У Матвея, с его деловой хваткой, это здорово получается. Он и закажет билеты, и забронирует жильё, и найдёт хорошее место для ужина… Стоит различать, Наташа, работу капитана и организатора выезда.
— Во всех командах, где я играла, это был один и тот же человек!
— Это не всегда верное решение. Капитан не может взять всё на себя без ущерба качеству игры…
— Да ладно? — приподняла бровь Оля.— Это вы́ так говорите, Анатолий Михайлович? На «брейне» вы ведёте себя по-другому!
— О чём это вы, Оля? Вы чем-то недовольны?

Это было сказано с такой наивной, трогательной улыбкой, что я и не заметила скрытой в вопросе иронии. Но Оля не поддалась и нанесла решающий удар:
— Да вот о чём! Мы с Наташей опоздали на ваш бой, но я посмотрела результаты «брейна» в онлайн-таблице[17]. Вот, глядите! Список игроков, отвечавших на вопросы. Команда один: Иванов, Петров, снова Иванов, Сидоров. Ладно. Команда два: Барчуков, Барчуков, Барчуков… И это, между прочим, «Брейн-ринг», командная дисциплина! Что это за диктатура, при которой все лавры достаются капитану, Анатолий Михайлович?..

Барчуков пролистал таблицу, кивнул, подтверждая Олины слова, и вернул ей смартфон. «Ну всё, финиш»,— подумала я и едва подавила желание спрятаться от атаки тренерского сарказма в зарослях топинамбура.
— Это, Оля, не диктатура,— медленно начал Барчуков,— а доброжелательный авторитаризм. В «Брейн-ринге» судьба игры порой зависит от каждого балла. Конечно, участвовать в обсуждении версии должна вся команда, без исключений. Но рядовой игрок, если дать ему право выбора итогового ответа, может ошибиться…
— А вы разве не можете? — не удержалась и я от подначки.

Повисшее на секунду напряжённое молчание разрядил автомобильный сигнал. Барчуков рассмеялся:
— И я могу. Смотрите, такси…

……

17. Чаще всего результаты турниров выкладывают в таблицы на сайте, так что игроки и зрители могут наблюдать за ходом игры в реальном времени. В таблицах «Брейн-ринга», помимо итогов каждого боя, иногда указываются и фамилии отвечавших игроков.

Анатолий Михайлович легко закинул дорожную сумку на плечо и помог открыть багажник для наших с Олей чемоданов. (Мне вспомнилось, как в поезде он посмеивался над тем, сколько лишних вещей мы взяли с собой в дорогу,— и, тем не менее, не отказывался от всей той еды, что мы наготовили!)

…Таксист мчал, словно Даниэль из французской комедии. Странно было лететь на такой скорости по старинным, уютным и насквозь провинциальным улочкам. Деревянных домов по пути почти не попадалось, хоть я и слышала, что где-то в городе есть целый исторический квартал. Но даже каменные здания, встречавшиеся нам, были невысокими и совсем старыми — на фасаде одного из них я разобрала надпись: «Окончено 15 іюля 1891».

— Смотри, Оля, это Нижняя набережная! Мы гуляли здесь в прошлом году с Дашкевичами. Говорят, где-то есть и Верхняя, но до неё мы не доходили…

— Живописно,— кивнула Оля.— А далеко отсюда до Байкала, не знаешь?

— До Листвянки всего час,— отозвался Барчуков.— Сколько стоит билет на автобус, я вам не подскажу, но не думаю, что больше ста пятидесяти рублей.

— Вы ездили туда, Анатолий Михайлович?

— Естественно, и не раз. Очень советую вам, Оля. У вас с собой камера?

— Нет, зачем? Я же только в прошлом году была на Байкале. Это вот Наташа едет впервые…

— А вы, Анатольмихалыч, случайно не хотите съездить с нами ещё разок? Послезавтра как раз свободный день,— спросила я и сама ошалела от своей наглости.

Повисла пауза.

— Я бы не против,— медленно ответил Барчуков,— но у нас куплены билеты на завтрашний пятичасовой поезд. Уезжаем сразу после турнира.

— Рискованно!— поморщилась Оля.— А если игру задержат?

— Значит, мы что-то не доиграем,— пожал плечами Анатолий Михайлович.— В понедельник двадцать первого ребятам нужно быть на работе. Положите семнадцать часов на дорогу и получите единственный возможный вариант.

— Ну, вам решать…— в эту минуту я впервые пожалела, что купила нам с Олей билеты только на поздний вечер двадцатого августа.

Стоил ли лишний день прогулок того, чтобы возвращаться домой в одиночестве?

Пожалуй, всё-таки стоил.

Когда мы подъехали на место, уже смеркалось. На крыльце хостела скучала группа людей, в которых я узнала двоих из «Плюс шести» и Дашкевичей. Чуть в стороне от них, громыхая страшными проклятиями, расхаживал с телефоном Матвей.

— Что случилось?— крикнул Барчуков, выскакивая из машины.

Пока мы управлялись с багажником, Василий успел изложить суть дела. Как я поняла, команду подвело руководство хостела: в номер, забронированный Матвеем для четверых членов его команды, заселили каких-то итальянцев, а «Плюс шести» предложили разместиться в двенадцатиместном с остатками той же итальянской группы. Такое решение несказанно оскорбило Матвея, он рассорился с администрацией и теперь в поисках подходящего места обзванивал все ближайшие хостелы.

— Я не понимаю, в чём проблема?— Лиза Дашкевич устало присела на скамейку у входа и потёрла лоб.— Мы с Женей и так собирались селиться в двенадцатиместном, девочки, кажется, тоже. Я заходила внутрь, там вполне неплохо! На кой фиг вам нужен этот отдельный номер?

— А как же потренировать «Свою игру» перед сном? Думаю, итальянцы будут недовольны,— усмехнулся Барчуков.

— Тогда пойдём на кухню!

— В гостиных и на кухнях всегда строже следят за тишиной. Вы уверены, что тренировка получится достаточно спокойной?

— Да не знаю я, не знаю!— взорвалась Лиза.— Вот как, Анатолий. Найдёте за пятнадцать минут хостел в паре кварталов отсюда — переедем. Нет — мы с Женей останемся тут.

— А давайте голосовать,— миролюбиво предложил Женя. Нет, не зря я всегда считала Дашкевича самым здравомыслящим игроком «Альтаира»!— Мы с Лизой за то, чтобы остаться.

— Раз мои хотят переехать, то я за переезд,— холодно ответил Барчуков.— Оля, Наташа?

Я не ответила. Через улицу от нас что-то праздновала шумная компания — мы заметили её ещё тогда, когда подъезжали к хостелу. Наконец один из парней вынес из припаркованного автомобиля коробку, поставил на тротуар, отбежал в сторону…

…И из установки взмыл залп фейерверка. Потом ещё, ещё и ещё — грохот перемешивался с восторженными воплями ребят.

Над узкой запутанной улочкой на фоне сумеречного неба возникали и с треском исчезали пиротехнические цветы.

— Смотри, Оля, жёлтый похож на твой… этот… топинамбур!

Оля вынула из волос увядший цветок и улыбнулась, запрокинув голову:

— И правда похож!..

— Алло, девочки!— окликнула нас Лиза.— Это всё очень мило, но вы всё-таки скажите: остаётесь вы или нет?..

…Новый хостел располагался не так уж и далеко, на пешеходной улице Урицкого. Решив держаться всем вместе, мы заняли неплохой восьмиместный номер — хвала небесам, без итальянцев!— и, снова немного поругавшись, выбрали для ужина ближайшую хинкальную.

За столом общее раздражение как рукой сняло. Мы пили острый и ароматный кавказский чай, шутили, кому из сидящих на углу стола — Матвею или Василию — не суждено в ближайшее время выйти замуж, и понемногу обсуждали планы на завтра.

Выяснилось, что в следующий этап «Своей игры» прошли трое из «Плюс шести» — Матвей, Женя Дашкевич и Барчуков. Это была серьёзная заявка на победу: Матвей неплохо выступал на «своячных» турнирах в Красноярске, Женя тоже был сильным соперником, хоть и предпочитал командные игры вроде чгк или «брейна». Об Анатолии Михайловиче же нечего было и говорить: наш тренер стал первым красноярцем, попавшим в телеверсию «Своей игры». А ещё в клубе ходила легенда о том, что однажды дома у Барчукова под весом наград рухнула полка, и он стал развешивать медали где-то в кладовке на трёх специально вбитых гвоздях…

— Рано утром — отбор «свояка», — объявил Анатолий Михайлович, сверяясь с расписанием на бейдже. — Начало в девять пятнадцать, значит, подъём не позже семи. Услышал, Матвей?

— Да понял я, понял.

— Далее — финал «Эрудит-квартета», но это уже не про нас… Остальные могут не торопиться и паковать вещи, но в час всем быть в библиотеке. Начинаем чгк.

— «Эрудитку» стоило слить[18] хотя бы ради того, чтобы выспаться, — вставила Лиза Дашкевич. — Кстати, когда финалы «брейна» и «свояка»?

— По расписанию в четыре часа.

— Вы, Анатолий, будто не знаете Диму Белых! Он опять задержит турнир, и плакали наши медальки. У нас же с вами поезд в пять с копейками!

— Решим на месте, — отрезал Барчуков. — Надо будет — попросим организаторов поторопиться. Всё, кажется, ясно?

— Так точно, капитан! — отчеканила Лиза, взяв под козырёк.

Матвей вполголоса продекламировал:

— Кто проживает на дне океана?..

Лиза наморщила лоб и предположила, что это результаты «эрудитки», отчего разговор непоправимо вышел из делового русла.

После ужина «Плюс шесть» отправились в супермаркет закупаться едой в дорогу. Я увязалась вслед за Олей и Барчуковым, но те завели в молочном отделе столь занимательный разговор о преимуществах какого-то сорта сыра, что я заскучала и ушла выбирать шоколадку.

— Я подожду вас на кассе!

— Хорошо, Наташа.

Во взгляде Барчукова было что-то странное. Не раздумывая долго, я нашла причину: устал человек за день, да и накануне ночью, если вспомнить, беседовал с нами чуть ли не до половины первого!

Всем нужно было выспаться. «Плюс шести» завтра предстояло бороться за медали почти во всех дисциплинах, а нам с Олей — стараться не ударить в грязь лицом и вытащить хотя бы чгк.

Это была трезвая, практичная мысль, которая разбилась через несколько минут — на выходе из супермаркета.

— Хорошо на улице, — объявила Оля, вдохнув и выдохнув полной грудью.

— Хорошо! В такие ночи надо гулять и гулять, — согласилась я, разглядывая при свете фонаря только что купленный гипсовый магнитик в форме нерпы.

— Почему бы и нет? Пойдёмте после тренировки смотреть город. Или, может быть, — в голосе Барчукова прозвучала лёгкая ирония, — вы, Наташа, устали за сегодня?

Магнитик тут же рассыпался осколками по асфальту.

— Да вы… я… ну…

— Вот, и я тоже не против, — засмеялась Оля. — Может, прямо сейчас и пойдём?

— Что вы, Оля! А как же «Своя игра»? Нас ждут. Да и не гулять же с пакетами, нужно занести продукты в хостел…

…Всю тренировку я просидела точно на иголках. От утомления мысли разбегались, и в основном я была занята не «свояком», а тем, что отгоняла от себя прожорливых иркутских комаров.

Впрочем, даже наблюдать за игрой было довольно весело! Сперва мы сыграли обычный турнир, а после, когда ребята расслабились, Анатолий Михайлович открыл какой-то развлекательный пакет. Его особенностью было то, что все ответы укладывались в ритм песенных строчек — от «Обручальное кольцо — непростое украшенье» до «Маленькой ёлочке холодно зимой». Барчуков взялся быть ведущим и категорически отказывался принимать ответ, если игрок не мог его пропеть.

Кажется, перемена хостела пошла нам только на пользу: вокруг не было ни посторонних людей, желающих поскорее лечь спать, ни строгих администраторов, жалующихся на шум. А шума было много!

Индикатор на телефоне высветил «0:00, 19 августа». Эх, и никому, кроме меня, нет до этого дела!..

Минут через пятнадцать Лиза зевнула и ушла в ванную. Словно по сигналу, все игроки начали расползаться по своим полкам.

— Идём? Не передумали? — тихо спросил Барчуков. — Оля уже ждёт внизу.

Я схватила сумку, бегом бросилась в прихожую и чуть не свернула шею, поскользнувшись на крутой подъездной лестнице.

…Ночной Иркутск совершенно преобразился. Из уютного провинциального городка мы попали в волшебное, фантасмагорическое пространство.

……

18. «Слить» — сленговый синоним глагола «проиграть».

Дороги были пустынны; памятники, казалось, устроили для нас замысловатый квест. Минут десять я бродила по площади Сперанского в поисках скульптурного макета города — а ведь год назад мы с Дашкевичами нашли его без труда!

Макет обнаружился неожиданно, словно устал меня дразнить. Я, Оля и Барчуков склонились над объёмной бронзовой картой в поисках места, где мы находились. Это было не так просто: улицы на макете были подписаны так, как назывались в девятнадцатом веке.

— Предлагаю пройти вперёд к Нижней набережной, — указал Барчуков. — Потом можем подняться по Московской улице — это старое название, сейчас она, скорее всего, называется иначе — а затем…

— Какая разница! Пойдёмте, там решим! — в этот момент, когда всё так удачно складывалось, я не могла и думать о том, что через каких-то пару часов нужно будет возвращаться в хостел.

Мы миновали площадь, обошли массивное административное здание и небольшую церковь и оказались в пустом и просторном сквере, окружённом елями. С обратной стороны здание администрации оказалось мемориалом Великой Отечественной, перед ним в центре сквера горел Вечный огонь; пламя рябило в глазах от слетавшейся к нему ночной мошкары.

Здесь было немного светлее. Барчуков остановился и достал телефон.

— Вы не будете против, если я ненадолго отвлекусь?

— Опять ваша викторина? Ну Анатолий Михайлович! — протянула Оля своим неповторимым шутливо-укоризненным тоном.

— Что делать: начало строго в восемь по Москве… Обещаю, что я быстро проиграю, и мы с вами пойдём дальше, — заверил Барчуков, запуская знаменитый «Смарт».

От хохота Оля, чтобы не упасть, схватилась за моё плечо.

Викторина и в самом деле закончилась очень быстро. После пары вопросов на ядрёное чистое знание[19] («День какого животного отмечается в календаре позже других?») Барчуков без особого сожаления убрал телефон в карман.

— Этот «Смарт» страшно тратит зарядку. У вас нет с собой портативного аккумулятора, Оля?

— Оставила в хостеле…

— Жаль. Значит, нам остаётся надеяться лишь на то, что мы не заблудимся без карты.

— Можно спросить дорогу у прохожих.

— Прохожих! Наташа, теперь час ночи. Где вы их найдёте?

— Мало ли! Вдруг гуляют какие-нибудь такие же, как и мы… — я запнулась, поймав испытующий взгляд Барчукова, и договорила: — чегекашники.

Анатолий Михайлович коротко рассмеялся и повернулся к огню; по его лицу замелькали оранжевые отсветы.

— Все знатоки сейчас борются в «Смарте» за сто тысяч рублей, а не гуляют с девушками по ночному городу. Одному мне так повезло… Пойдёмте!

На мосту, соединявшем сквер с набережной, я ахнула и достала телефон. Увы, моя камера была слишком слабой, и вместо тонких сероватых облаков, разбросанных по чёрному небу, неспешно мерцавшей Ангары и ожерелья огней на другом берегу реки у меня получилась репродукция картины Малевича.

Возле реки было ощутимо холоднее. Я застегнула ветровку, Оля достала из сумки и накинула на плечи шаль. Один Барчуков, как ни в чём не бывало, остался в своей футболке с логотипом детского лагеря.

— Вы не замёрзнете, Анатолий Михайлович?

— Нет, что вы! Да я и не брал с собой тёплых вещей — вы же знаете, не люблю возить много багажа.

— Разве форма вашей команды — это тоже лишний багаж? — съязвила Оля.

— Нет. Но эту футболку мне подарили всего неделю назад, когда я навещал Машу. Очень понравилась, решил надеть, — просто ответил Барчуков. — Вот и вышло, что игроки кто в чём, а капитан рекламирует детский интеллектуальный лагерь…

Тон Барчукова утратил привычную иронию и стал мягче, когда он заговорил о дочери. Машу знал весь красноярский клуб: в тринадцать лет у неё было почти столько же побед в детском ЧГК, сколько у её отца во взрослом зачёте. Легенда же о рухнувшей полке приписывала ей отдельный маленький гвоздик с медалями в барчуковской кладовке.

Я стала спрашивать о лагере, где отдыхала Маша, и Анатолий Михайлович обстоятельно рассказал о недавно прошедшем там турнире по «Тройкам»[20], который он вёл сам. После мы шли молча — вплоть до следующего памятника, заинтриговавшего нас тем, что на нём отсутствовала пояснительная табличка.

…Вероятно, все знатоки действительно играли в «Смарт», а нормальные люди давно ушли спать. Так или иначе, на улицах Иркутска не было ровным счётом никого!.. Мы шли по Карла Маркса, подсчитывая вывески круглосуточных цветочных магазинов (их оказалось на удивление много) и медленно, но неотвратимо приближаясь к нашему хостелу. Конечно, с Барчуковым мне было бы нетрудно пройти хоть половину города (ручаюсь, что и Оле тоже!). Однако я помнила, что завтра

19. Задавать вопрос, ответ на который требует знания какой-то малоизвестной информации, считается моветоном в среде знатоков. Хороший вопрос ЧГК позволяет добраться до ответа с помощью логики и общедоступных знаний.

20. «Тройки» — разновидность «Своей игры», в которой участвуют команды из трёх человек.

ранним утром Анатолию Михайловичу нужно ехать на «Свою игру». Гулять до рассвета, лишая Барчукова возможности выспаться перед турниром, было бы низко и эгоистично.

Делая вид, будто сверяюсь с онлайн-картой, я поглядывала на часы. Час сорок. Час сорок одна. Ну же!..

— Всё, теперь мне официально двадцать! — объявила я, едва сменились цифры на экране. — Я родилась в это время.

— По-здра-вля-ем вас, Наташа! — смеясь, протянул Барчуков. — А вы не забыли сделать поправку на часовой пояс?

— Не забыла! В Красноярске сейчас именно ноль-ноль сорок две.

— Тогда конечно… Оля, ну что это вы? Если бы вы так пели на музыкальном «свояке», я бы вам такое не засчитал.

— Анатолий Михайлович!..

— Нужно громче, Оля!.. Давайте ещё раз: «Happy birthday to you…»

Когда, в каком сне я бы так беспардонно заявила о своём дне рождения? Ведь я постеснялась предупредить о нём даже читинцев, даже ребят из «Плюс шести»! Но в воздухе этой ночи было что-то нереальное, заставлявшее открыто говорить обо всём, что только приходило в голову.

— Смотрите, какая жуткая надпись! — крикнула я, указывая на асфальт.

Прямо посреди пешеходной улицы огромными буквами было выведено: «Белые блузы»; сразу две стрелки указывали направо, в сторону арки.

— И что здесь жуткого? — пожала плечами Оля. — Скоро первое сентября, вот тебе и уличная реклама школьной формы.

— Как же! Мы сейчас как в сцене из триллера: идём ночью по пустынному городу и натыкаемся на таинственный указатель. Почему именно блузы? Почему только белые? Это знак!

— И взгляните на арку, куда показывает стрелка, — подхватил отлично понявший меня Барчуков. — Она зарешечена с двух сторон. Кажется, если в этом городе есть желающие купить белую блузу, они должны побороться за неё!

— Вечно вы придумаете, Анатолий Михайлович! — прыснула Оля.

Я не выдержала и тоже расхохоталась; эхо наших голосов отразилось от фасадов зданий, образующих две сплошные линии по обеим сторонам улицы, и затерялось где-то в ночном небе.

…Было около половины третьего, когда я вернулась из ванной в наш номер. Ребята давно спали: шторки почти у каждой кровати были задёрнуты, и на всю комнату разливался громогласный храп Матвея.

Оли не было. Барчуков, не переодевшись, лежал на своей полке и что-то читал с телефона. Вот не спится человеку!

— Анатольмихалыч! — громко прошептала я; он повернул голову в мою сторону. — Спа-си-бо за вечер, — произнесла я одними губами. Хотя кому из наших пришло бы в голову меня подслушивать?..

— Да, хорошая получилась прогулка. Доброй ночи, Наташа, — негромко ответил Барчуков.

Я забралась по лесенке на второй ярус (как и в поезде, в хостеле я всегда занимала верхнюю полку), задёрнула штору у кровати и стала искать в сумке беруши — клокотание Матвея стало нестерпимым. Последним, что я услышала, был тихий стук закрываемой двери.

После ночного пробега я была уверена, что просплю до полудня. Но мой мозг совершил безумную вещь — сам, без будильника, поднял меня с воплем ужаса: «Скорее, ты всё пропустишь!»

Я вскочила и уставилась на часы. Семь утра. Блеск!

Тихо застонав, я снова упала на подушку и попыталась заснуть, но ничего не получилось. Зато мне вспомнился на редкость дурацкий сон: Владимир в цилиндре пел арию Ленского «Что день грядущий мне готовит?» и падал замертво на сцене, когда Барчуков брал вопрос за пятьдесят.

Досматривать эту постановку мне не хотелось. Я пошла умываться, на пути в ванную натолкнувшись на сонную Олю. Та шепнула мне:

— Доброе утро, — и куда-то скрылась.

Вокруг определённо происходило что-то странное!

Вернувшись к себе, я задумалась, как лучше распланировать день. По плану все финальные бои завершались около пяти часов, а на семь вечера намечалась «after-party» — прощальная вечеринка с неформальным общением, обсуждением фестиваля и какими-то лёгонькими викторинами. Никогда раньше я не была на таких посиделках, а белоногий Дима по праву считался мастером их организации. В этом определённо стоило поучаствовать!

Тогда на завтра останется Байкал. Правда, стоило бы уделить время и самому Иркутску; вчера мы увидели только небольшую его часть…

Стук по полке снаружи прервал мои мысли.

— Наташа, — раздался заговорщицкий шёпот Оли, — вылезай скорее!..

Я приоткрыла шторку, выглянула наружу… и едва не спикировала на пол со второго яруса. Посреди комнаты стоял Барчуков, держа в руках блюдце с маленьким тортом. В центре почти кубического куска, залитого белым кремом, оптимистично торчала чуть покосившаяся свечка.

— С днём рождения, Наташа!

Оля стояла рядом и потихоньку посмеивалась над моей реакцией. Я сползла по лесенке, осторожно взяла блюдце из рук Анатолия Михайловича и так и застыла. В голову не лезло ничего разумнее

«А-а-а!» или «О-о-о!». Вспомнилось внезапно, каким чудесным оборотом выражал своё восхищение один мой знакомый чегекашник: «Ёжики пушистые!»

— Анатольмихалыч, Оля… это… это так трогательно, я просто не знаю, что и сказать…

— Приятного аппетита, Наташа,— усмехнулся Барчуков.— Можете поставить торт в холодильник до вечера. Будет чем отпраздновать победу…

Я не знаю, какой поворот приняла бы наша галантная беседа дальше, но тут комнату в очередной раз огласил всхрап Матвея, и Барчуков нахмурился:

— Он что, ещё спит? Предупреждал же вчера! А ну подъём, живо, живо, игра через час!

Оставив сторонника «доброжелательного авторитаризма» разбираться с сонным Матвеем, я убежала завтракать и прятать торт в холодильник. Теперь я точно знала, что поеду на «Свою игру» болеть за наших!..

Бой за выход в полуфинал подходил к концу. Мы сидели в зале с Женей Дашкевичем, вполголоса обсуждая вопросы и поминутно обновляя на телефонах страницу с результатами других площадок. Статистика выходила неутешительной: Женя и Матвей обидно вылетели из игры, философ Кирилл из «Читаго Бэрз» ещё играл, но был близок к четвёртому месту (а в следующий тур выходили только первые два). Лишь у Барчукова всё складывалось удачно, и на данный момент он уверенно лидировал.

В разгар игры дверь зала распахнулась, и вошёл знаменитый в узких кругах редактор. Увидев меня, он улыбнулся и, совершенно не смущаясь тому, что идёт бой, пошёл ко мне через всю аудиторию.

— Доброе утро, Наталья! Вы сегодня без подруги? Как ваши дела?

— Доброе!— прошептала я как можно тише.— Оля подъедет к началу чгк, а я пришла на «свояк» поболеть за наших.

— А, вот как! Так это Барчуков играет?

— Он. Только тише, пожалуйста!

— Хорошо-хорошо. И как у него успехи?

— Сейчас, за две темы[21] до конца,— первое место…

— Вот чёрт! Извините.

Ведущий кашлянул, игроки недовольно заозирались на нас.

— Ну что ж вы так?— усовестила я Владимира.— Вы же сами очень хорошо выступили, я следила по таблице. Сколько у вас очков в бою, двести пятьдесят?

— Какая разница! Это ненадолго, Наталья,— пробормотал Тарасенко, сверля взглядом спину Барчукова.

Тот как раз нажал кнопку, рывком откинулся на спинку стула и, секунду помедлив, назвал какого-то неизвестного мне математика. Ведущий засчитал плюс сорок, Барчуков дёрнул кулаком и крикнул:

— Йес!

Мы с Дашкевичем переглянулись и хмыкнули: это восклицание вместе с жестом давно стало визитной карточкой Анатолия Михайловича и постоянной мишенью для пародий.

Владимир помолчал ещё с минуту и наклонился ко мне:

— Не желаете кофе, Наталья? Я видел, что в холле его наливают совершенно бесплатно.

— Не отказалась бы,— я затаила дыхание: соперник Барчукова за одну тему до конца игры внезапно догнал его и сравнял счёт.

— А какой бы вы предпочли: американо, капучино или, может быть, эспрессо?— тоном заправского бариста поинтересовался Тарасенко.

— Капучино, наверное.

— С сиропом? Там есть апельсиновый, шоколадный…

— Ох, ёлки-палки! Пожалуйста, Владимир, кофе без всего!

— Хорошо-хорошо.

Тарасенко исчез. Мне стало совестно за грубость, но тут Барчуков снова вырвался вперёд, и я забыла о незадачливом редакторе.

Бой завершился победой Анатолия Михайловича. Все разбрелись по залу обмениваться впечатлениями, когда вернулся сияющий Тарасенко с двумя бумажными стаканчиками.

— Наталья, знаете? Я хотел взять вам пустой стакан и сказать, что это «кофе без всего», как вы и хотели… но потом решил не шутить так над вами… Вот ваш капучино.

— Спасибо, Владимир! Это так любезно!

Тарасенко расцвёл, затем перевёл взгляд на Барчукова, и его улыбка несколько померкла. Но Анатолий Михайлович заметил этот взгляд и кивнул Владимиру издалека, так что редактору всё же пришлось подходить к нему и здороваться.

«Нет, с голода я не умру»,— мелькнула в моей голове несколько циничная мысль. За одно сегодняшнее утро мои дорогие чегекашники и угостили меня тортом, и напоили кофе. Страшно было подумать, до чего они додумаются к вечеру!..

— Итак, начинаем полуфинал,— объявил Дима Белых.— Слева направо от меня садятся Тарасенко… Барчуков… Всеволожский и Глинский.

— Вот это подборка,— одобрительно шепнул мне на ухо Женя Дашкевич.— Битва титанов.

Я кивнула, наблюдая за тем, как игроки рассаживаются за столом и проверяют кнопки. По

21. Бои спортивной «Своей игры» состоят из тем, задающих примерную область поиска ответов. Так, например, в теме «Белая» могут спросить о белом медведе, Монблане («белой горе») и т. д. Каждая тема включает в себя пять вопросов номиналом от десяти до пятидесяти очков.

рассказам читинцев, Тарасенко и Всеволожский показали себя талантливыми «своячниками» ещё в Байкальском лагере. Глинский же был знаменитостью федерального масштаба не только в «Своей игре», но и в ЧГК. На недавнем студенческом чемпионате России его команда неожиданно для всех взяла бронзовую медаль, уступив только фаворитам турнира из Москвы и Питера. Определённо, у парня был талант!

Незнакомые ребята, сидевшие за мной, обсуждали начинающуюся игру не хуже профессиональных комментаторов.

— Сейчас будет жара,— сообщил парень своей собеседнице.— Как думаешь, кто пройдёт в финал?

— Я за Витю,— после паузы ответила девушка.

— Всеволожского? Да ну! Саша Глинский кого угодно порвёт. Помнишь, как он отжигал в Новосибирске?

— Значит, пройдут оба. Витя крутой!

— Ну конечно, как же,— с нескрываемым скепсисом заметил парень.— Это потому, что он красавчик?..

Всеволожский, словно услышав, что о нём говорят, взъерошил светло-русые кудри и подался вперёд, сжав кнопку обеими руками. Примерно в такой же позе сидели и остальные игроки, кроме Глинского: тот, напротив, лениво откинулся на спинку стула и отодвинулся от игрового стола, широко расставив ноги. Кнопку он держал в одной руке, всем своим видом демонстрируя, как ему скучно.

Тарасенко заметно ёрзал. Барчуков выглядел бесстрастным, только носок правой туфли, ритмично постукивавший по полу, выдавал его напряжение.

Игра выдалась чрезвычайно нервной. Нарочито небрежный Глинский уверенно шёл впереди, нетерпеливо морщась при каждом взятом вопросе. Это было невероятно: в красноярском клубе, где Барчуков всегда был первым «своячником», мысль о том, что его может побить двадцатитрёхлетний студент, показалась бы абсурдом!

Тем не менее, догнать Глинского было уже невозможно, и Витя с Анатолием Михайловичем эффектно бились за второе место, выводящее в финал. Тарасенко волновался, редко нажимал и отвечал в основном невпопад. Мне было жаль Владимира, хоть я и болела не за него. Неужели на него так влияло присутствие Барчукова?

Белоногий Дима заметно наслаждался боем. После очередного Витиного ответа на вопрос за десять очков он объявил:

— Кажется, у нас появился король десяток!

Всеволожский ослепительно улыбнулся; девушка позади меня захлопала. Но на следующей же теме «десятку» вырвал Барчуков.

— Король умер, господа! Да здравствует король! — захохотал Дима.

Исход боя решила роковая ошибка Вити Всеволожского: на какой-то мелочи он получил минус сорок, и Анатолий Михайлович стремительно его обогнал, отобрав второе место и отстав от Глинского всего очков на двадцать. Впрочем, Витя не расстроился и всё с той же очаровательной улыбкой пожал Барчукову руку. Юная звезда «Теледомика»[22] почти ничего не теряла: в европейской части России турниры проводились намного чаще, чем в Сибири, так что Всеволожский совсем скоро смог бы опять побиться за медаль. В наших же краях следующая крупная игра намечалась только на конец октября!..

Пока Дима объявлял результаты, Барчуков вскочил с места и подлетел к нам. Анатолий Михайлович еле сдерживал гордую улыбку, его карие глаза горели азартным блеском. Я протянула ему ладонь, и он с размаху хлопнул по ней.

— Рискованно. Но хорошо,— кивнул Дашкевич.

— Знаю. Серьёзные соперники. Не думал, что Виктор так силён. Осталось главное — сыграть в финале,— отрывисто ответил Барчуков.

— А куда теперь, Анатольмихалыч?..

— Теперь — идём обедать! Остальные скоро подтянутся.

Словно по сигналу, в дверях появился Матвей Фомин, на лице которого в этот раз отображалась суровая решимость. Определённо, «Плюс шесть» сегодня приехали побеждать вопреки всем соперникам и расписанию поездов!

За Матвеем вошла и оставшаяся команда.

— Ну как? — крикнула с порога Лиза Дашкевич.

— В финале! — коротко ответил Барчуков и улыбнулся снова.

Только теперь я заметила, что под его глазами залегла тень. А я, бессовестная, таскала его по городу до трёх часов ночи!

Я хотела было предложить Анатолию Михайловичу кофе (благо, теперь мне было известно, где его достать), но Лиза отвела меня в сторонку и деловито вручила подарочный пакет. Пока же я радовалась тому, что Дашкевичи не забыли о моём дне рождения, «Плюс шесть» куда-то унесло…

Мы с Владимиром сидели в застеклённом холле у входа в актовый зал и вели светскую беседу. Вид с четвёртого этажа здания, расположенного на холме, захватывал дух: утопавший в зелени город разрезала надвое Ангара, а её, в свою очередь, косо перечёркивал мост в колючках фонарных столбов. Я тщетно пыталась снять панораму на телефон, но ничего путного не выходило.

— Наталья, а вы знаете, что такое ирга? — Тарасенко светился, сжимая в руке баночку с ягодой.

……

22. «Теледомик» — сленговое название телепрограммы «Что? Где? Когда?», образованное от места её съёмок — Охотничьего домика в Нескучном саду.

— Ну конечно, знаю! — буркнула я и сунула телефон в карман. — У бабушки на даче несколько деревьев.
— Правда? А меня сегодня угостили впервые в жизни. У нас её совсем не бывает.
— Климат, наверное, не тот. Зато здесь не растёт… ну, скажем, ежевика.
— Ежевика-то? Надо же! — словно ребёнок, удивился Тарасенко. — Кстати, не хотите попробовать ягоду? Очень вкусно.
— Спасибо, Владимир. Вы меня сегодня и поите, и кормите!

Оля вошла в холл как раз вовремя для того, чтобы застать меня сидящей на диване со знаменитым редактором, который радостно смеялся и совсем по-домашнему ссыпал мне в горсть ягоду из банки. Олины глаза округлились, и она поспешно ушла, только кивнув на наши приветствия.

Вскоре из зала вышел Игорь Михайлов с планшетником и тяжело уселся на соседний диванчик. Всегда мягкий и уютный, ведущий фестиваля был сегодня непривычно задумчивым. Глядя на экран планшета, он поскрёб подбородок и, словно о чём-то догадавшись, повернулся к моему собеседнику:
— Владимир, можно попросить вас кое о чём? Мне тут пишет редактор вчерашнего пакета чгк, которому интересно мнение участников турнира о его работе. Есть ли у вас какие-нибудь пожелания?
— Я не знаю, что и сказать, — заметно смутился Владимир. — Видите ли, я и сам редактор, мне трудно судить своего коллегу. Вот если бы спросить мнение кого-то из обычных игроков…
— А можно, да? — подскочила я, салфеткой вытирая руки от ягодного сока. — Ой, Игорь Леонидович, дайте только сбегать за блокнотом — будет вам мнение целых двух команд, взрослой и студенческой!

Через десять минут Михайлов уже старательно вбивал в планшетник рецензию, наспех составленную Кириллом из «Читаго Бэрз» и Лизой из «Плюс шести». Его знакомому редактору, так неосмотрительно пожелавшему узнать мнение публики, досталось по самое горло.
— Погодите, а чем вам про художника не понравилось? Всё же вроде бы ясно, — нахмурился Михайлов, рассматривая мой листок с каракулями.
— Ясно-то ясно, но у ответа есть логическая дуаль, которая никак не отсекается, — с азартом заспорила я.

Хоть моя команда и взяла этот вопрос, я знала, что «Плюс шесть» с ним не справились. Конечно, жалоба автору не могла бы добавить им балл, но всё же это был шанс хоть немного отвести душу.
— Вот, глядите, Игорь Леонидович: в вопросе девушка жалуется на то, что двадцать семь дней не могла помыть голову и сменить чулки из-за требований художника. Но как можно понять, что это именно художник, а не скульптор? Портреты, если это не «Мона Лиза», обычно пишутся быстрее, чем за тридцать дней. А скульптор может работать над изображением намного дольше. Кроме того, если говорить о причёске…
— Думаю, вам лучше обратиться с этой претензией к апелляционному жюри, — прервал меня Михайлов. — Хотя нет, обращаться нужно было вчера, теперь уже поздно… Но суть я понял. Надеюсь, что Алексей примет всё это к сведению…

Сообщение неизвестному Алексею заняло почти весь экран михайловского планшета. Владимир неодобрительно поглядывал то на письмо, то на меня.

С чувством выполненного долга я попрощалась с почётными гостями и ушла в зал.

Читинцы уже разрезали купленный мной пирог и разлили — по стаканам и немного по столу — газировку. Я получила выговор в четыре голоса за то, что не предупредила о своём празднике, и обнимашки в восемь рук вместо подарков.
— Чего там обычно желают… Ну, всяких банальностей: здоровья, счастья… Лишним не будет.
— Надеюсь скоро увидеть тебя в теле-чгк!
— Побольше медалей! Логичных вопросов… Да что ты ржёшь, такие бывают!
— И пусть знаменитые чегекашники носят тебе кофе! — закончил Ваня.

Последняя фраза подкосила меня окончательно, и я, сотрясаясь от хохота, ударилась головой о стол. Историю про Тарасенко я рассказала читинцам сама полчаса назад.

Включили уже изрядно поднадоевшую «Everybody». Тут же подошла Оля и молча села на своё место.
— Добрый день, уважаемые знатоки, — зазвучал приятный баритон Игоря Михайлова. — Прежде чем мы начнём второй день нашего фестиваля, я бы хотел ненадолго отвлечься на одно очень приятное объявление…
— Неужто петь будут? — удивилась я.
— Вряд ли. У Димы на турнирах обычно обходятся без выступлений. Это тебе не «Знать», — усмехнулась Оля.

Я подавилась газировкой: красноярский фестиваль был известен среди знатоков прежде всего богатой церемонией открытия, на которую приглашали певцов и танцоров.
— В этом зале, — продолжал Михайлов, — находится замечательная девушка из Красноярска, которая сегодня празднует…

Да ну. Нет. Не может быть!
—…свой двадцатый день рождения! Я прошу её выйти на сцену.
— Давай, Наташа! — шепнула мне Оля.

Читинцы захлопали первыми, за столом «Плюс шести» что-то прокричала Лиза Дашкевич.

Словно в тумане, я добралась до сцены, взяла из рук Михайлова маленькую коробку и машинально тряхнула протянутую ладонь. Моё лицо горело.
— Не хрустальная[23], но это только пока,— негромко добавил ведущий.— Поздравляю, Наталья!
— Ага… спасибо…

На ступеньках, ведущих вниз со сцены, я остановилась и принялась разглядывать подарок. В коробочке лежала маленькая шоколадная сова. Под ленту банта была вправлена записка, написанная ровным почерком с завитушками: «Азартной игры!» Так это же…

Перепрыгнув через последние две ступеньки, я кинулась к нашему столу:
— Оля! Это ты, что ли?
— Ну да.
— Как? Как тебе это удалось?..
— Да просто. Подошла к Диме Белых перед турниром и попросила вручить тебе небольшой символический подарок. А Дима уже, наверное, переадресовал просьбу ведущему…
— Оля, это так!.. так!.. так мило — не могу! Я просто…
— Потом скажешь, тур начинается,— прервала меня Оля.

Михайлов уже предупредил о сквозной нумерации двух дней, объявил номер вопроса — сорок шестой — и начал диктовать, а я всё сидела с неприличной для знатока улыбкой и смотрела в чистый лист блокнота. Совестно это сознавать, но правда есть правда: в этот момент меня переполняло такое счастье, что результат нашей команды был мне почти безразличен…

Глупо, подло, бессовестно! Надо играть! Уж читинцы, небось, взяли меня в команду не затем, чтобы дёргать за уши и петь «Happy birthday». И вообще, на фестивали ездят за медалями, а не за всеобщим вниманием, подарками, комплиментами…

…и ночными прогулками…

— Время! — объявил Михайлов, и на экране позади ведущего начался обратный отсчёт. Я украдкой подглядела в Олин блокнот и вскоре втянулась в обсуждение.

Некоторые пожелания лучше бы не сбывались.

Стоило мне мысленно признаться в том, что в этой поездке всё отлично сложилось и без медалей, и — вуаля: нам их так и не досталось!..

По какой-то бюрократической загвоздке нам отказали в участии в студенческом зачёте[24]. Оказалось, что философ Кирилл на один год перерос студенческий возраст и утащил за собой всю команду в общий зачёт. Читинцы, к сожалению, предупредили об этом нас с Олей лишь перед самым началом игры…

Ну а тягаться с командами уровня «Плюс шести» нам, конечно, было не под силу. Даже имея в своём составе Кирилла — а он играл очень, очень хорошо.
— Если бы мы выступали студентами, то взяли бы второе место в своей категории,— вздохнула Оля, пролистывая таблицу результатов.
— Извините… Это всё из-за меня,— философ выглядел столь потерянно, что капитан не удержался и вступился за него:
— Ну вы чего, девчонки! Зато без Кирилла нам бы и не снилось столько очков. Сколько там у нас, тридцать шесть?
— Тридцать пять,— уточнила Оля.— Ты прав, Ваня, одни мы бы не затащили…

Вокруг нас суетились, бегали, двигали столы, расчищая пространство около сцены. Неподалёку прошёл гордый и суровый Матвей Фомин, напоминающий линкор.
— Неужто будет «перестрелка»? — ахнула я.
— Будет! Наши «стреляются» с Иркутском за серебро ЧГК[25],— подтвердила взволнованная Оля.— Если бы не та ошибка с художником-скульптором, они сейчас делили бы первое место… У выигравшей сборной всего плюс одно очко от них!
— Вот это обидно, понима… ох, ё-моё…— я достала надрывающийся телефон, увидела одиннадцать пропущенных вызовов и поняла, что посмотреть бой мне не дадут мои внимательные друзья и родные. Пора было исполнять долг именинника!..

…Кажется, пока я отвечала на все звонки, прошло достаточно времени. Я вернулась в зал как раз в конце минуты обсуждения очередного вопроса и встала у дверей, чтобы не мешать играющим. Моя точка обзора была крайне неудачной: я могла рассмотреть всю замершую в ожидании иркутскую команду, но из «Плюс шести» — только широкие спины Василия и Матвея.

Иркутский капитан поднял бланк; над столиком «Плюс шести» тоже взмыла рука с карточкой. Михайлов забрал оба ответа, и рука Барчукова на мгновение зависла в воздухе; на тонких белых пальцах блеснуло золотое кольцо. Я поперхнулась и отчаянно попыталась сыронизировать: зараза обнаружена, скоро начну вздыхать при луне и писать стихи по ночам. Да, точно: я же до сих пор не закончила своё единственное стихотворение!..

.....

23. «Хрустальная сова» — одна из наград телепрограммы «Что? Где? Когда?».

24. Традиционно в студенческом зачёте выступают игроки, не достигшие двадцати трёх лет на начало игрового сезона (этой датой считается первое сентября).

25. Если в финале турнира две и более команды набирают одинаковое количество очков, победу присуждают одной из них либо по дополнительным показателям (рейтинг сложности взятых вопросов, количество ответов в последних турах), либо по результатам «перестрелки» на трёх или пяти вопросах. Для более зрелищного финала организаторы чаще выбирают «перестрелку».

Михайлов не торопясь прошёлся по сцене, встал за кафедру.
— Ответ первой команды — «Хокинг», второй — «Нэш»… — Михайлов выдержал паузу и коротко закончил: — «Джон Нэш» — это правильный ответ. «Перестрелка» окончена.

«Плюс шесть» вскочили с мест, от их стола донеслось победное «Йес!». Я кинулась к читинцам:
— Я всё прослушала! Расскажите, что здесь было?
— Впервые вижу, чтобы «стрелялись» аж на пяти вопросах, — покачал головой Кирилл. — И это до первого взятого! То обе команды брали вопрос, то обе отвечали неверно. Интрига держалась до последнего… А ваши молодцы!

На сцене тем временем снова происходила перестановка: столы, за которыми проходила «перестрелка» ЧГК, сдвинули в один ряд напротив кафедры ведущего; к ним приставили четыре стула. Ясно: готовился «свояк». Но как же финал «Брейн-ринга»?
— Смотри, Оля! Что они делают?

Красноярская сборная тем временем вела себя крайне странно. Матвей и Василий попеременно таскали к сцене дорожные сумки, а Женя, Лиза и Андрей, обладающие более скромной комплекцией, складывали в них книги и медали со столика с наградами. Барчуков же стоял у кафедры ведущего и о чём-то спорил с Димой Белых и Игорем Михайловым.
— Кажется, на наших глазах происходит ограбление века! Пока Анатольмихалыч заговаривает жюри зубы, «Плюс шесть» потихоньку тырят призовой фонд, — еле удерживаясь от хохота, предположила я.

Оля покачала головой. Несмотря на очевидный комизм ситуации, она не улыбалась.
— Это они отменяют бой… «Перестрелка» затянула время, и нашим сейчас нужно выбирать — играть «свояк» или «брейн». Раз они претендовали на победу в «брейне», в случае отказа от игры они уедут с заслуженным серебром, а их соперники автоматически выиграют. Анатолий Михайлович вчера говорил, что такое возможно… Вот они и забирают свои трофеи, не дожидаясь награждения.
— Техническое поражение, так это называется, — подхватил любитель спорта Ваня. — Умно!
— Ничего не понимаю. Зачем тогда вся эта шумиха с отменой боя? Могли бы сыграть «брейн» по расписанию, а «Свою игру» пропустить.
— Потому что в финал «свояка» выходят четыре человека. Если Барчуков откажется от участия, то не получит совсем никакой медали, а пропущенный «брейн» даст хотя бы серебро, — терпеливо разъяснила Оля.
— Всё равно мне это не нравится. Так просто подарить золото сопернику?..
— Наташ… Ты думаешь, что «Плюс шесть» ездят на турниры за медалями? — вздохнула Оля. — Ты же знаешь, сколько трофеев у Анатолия Михайловича, да и у остальных тоже. Им давно это не важно!

Матвей и Василий взвалили на себя по две сумки и ушли; Андрей тоже куда-то исчез. Лиза со своим чемоданом стояла у дверей, с видимым нетерпением дожидаясь Женю. Тот же отвёл Барчукова в сторону, что-то спросил и крепко пожал ему руку. Почти бегом Дашкевичи покинули зал, и из «Плюс шести» остался один капитан.

Мы с Олей переглянулись и пересели поближе к сцене — туда, где на стуле лежала барчуковская сумка. Читинцам же исход игры был не столь интересен, и они попрощались с нами до вечера.
— Итак, мы начинаем последний на сегодня бой, — объявил Михайлов. — На сцену приглашаются участники финала «Своей игры»…

Барчукова не нужно было даже объявлять. Он легко взбежал на сцену и немедленно сел за стол, схватив кнопку. Его лицо светилось азартной улыбкой — кажется, даже неурядица с поездом подействовала на Анатолия Михайловича как бутылка энергетика.
— Какой нетерпеливый, а! Анатолий, ваше место — крайнее слева, — хохотнул Дима Белых, сидевший на сцене за ноутбуком. В этом бою он отвечал за техническое сопровождение. — Пересядьте, пожалуйста, а то придётся перебивать программу.

Смущённо улыбнувшись, Барчуков немедленно исправил ошибку. На сцену вышли ещё два финалиста — оба выступали за сборную, победившую сегодня в ЧГК. Одного из них, немного неформального парня с бородкой и косичкой, я видела организатором на школьно-студенческом первенстве Сибири в Новосибирске. Второго же, высокого блондина, я помнила по томскому «Ю-майнду»: тогда в финале «свояка» он оделся в пижаму-кигуруми в виде зелёного чудовища из «Корпорации монстров» и выиграл бой с большим отрывом. Даже не знаю, что из этого поразило меня больше…

Три финалиста были на месте. Глинского нашли через пару минут. Он неспешно поднялся на сцену и в своём обыкновении развалился на стуле, отодвинувшись подальше от стола. Лицо Барчукова чуть дёрнулось.
— Показушник, — еле слышно прошептала Оля.
— Мы играем финал на десяти темах, — как всегда благодушно произнёс Михайлов. — Перечислить их перед началом?
— Давайте, чё нет-то? — кивнул Глинский.
— Я против, — твёрдо ответил Барчуков.
— Если хоть один игрок не согласен, то не буду. Так прописано в положении, — развёл руками Михайлов. — Итак, ваша первая тема — «Белая». «Белая» за десять…
— Что это с ним, Наташа? — толкнула меня Оля через пару минут.
— М-м?

— Он никогда так не рисковал. Гляди, он жмёт почти на каждый вопрос!

Только тут я поняла, о чём была речь. Барчуков действительно вёл себя странно: вместо того чтобы отвечать только то, в чём он был уверен (это было обычной его тактикой), он нажимал кнопку на всё подряд. Несколько раз он ошибался и терял баллы, но новая стратегия всё-таки принесла плоды: соперники, кажется, были попросту потрясены таким натиском!

На четвёртой теме в зал вернулся Андрей из «Плюс шести». Встав между креслами неподалёку от нас, он замахал рукой, привлекая внимание. Барчуков обернулся; улыбка окончательно сошла с его лица.

Андрей постучал по часам на запястье и изобразил, будто звонит по телефону. Анатолий Михайлович кивнул и снова повернулся к ведущему.

— Что-то определённо не так,— прошептала я.

— Да понятно что! У них отправление через двадцать минут, а им ещё добираться до вокзала,— Оля сморщилась, точно готова была заплакать.— Видимо, Андрей сообщает, что приехало такси…

— Но не может же он…

Меня прервали аплодисменты: Барчуков только что получил плюс пятьдесят, доведя счёт до двухсот. Точно собираясь раскланяться, Анатолий Михайлович встал и положил кнопку на стол.

Даже без микрофона голос Барчукова звучал громко и чётко, хоть и чуть смущённо:

— Я прошу прощения у соперников, организаторов и зрителей, но у меня поезд. Моя команда взяла билеты на сегодняшний вечер, чтобы не опоздать на работу. Счёт прошу оставить как есть. До свидания!

Зал затих. Дима Белых медленно открыл рот.

Из-за столика иркутской команды послышались первые неуверенные хлопки. Хлопал Тарасенко.

И в эту секунду зал взорвался аплодисментами!

Барчуков спустился со сцены и прошёл совсем близко от нас. Он мельком взглянул на меня, закинул сумку на плечо и быстрым шагом вышел из зала вслед за Андреем.

Районы, кварталы, жилые массивы,
Я ухожу, ухожу красиво!—

запела какая-то студенческая команда.

— Не-ве-ро-ят-но,— едва слышно произнесла Оля.

— Кажется, это первый случай на моей памяти!— с искренним удовольствием объявил Михайлов.— По крайней мере, на сибирских играх я такого не припомню.

Я молчала. Я не могла хлопать.

В голове вертелась одна и та же фраза: «Что ты творишь, сумасшедший?!»

Посмеявшись, Михайлов объявил продолжение боя, и гомон понемногу утих.

«Нет, разумеется, дружба — это замечательно,— размышляла я, наблюдая за тем, как финалисты вновь сосредоточились и вошли в игру; даже Глинский посерьёзнел и придвинулся к столу.— Мне ли не знать, как здорово возвращаться с турнира не в одиночку, а со старыми товарищами по команде! Но, чёрт возьми, каково это — жертвовать победой, которая была почти у тебя в руках, чтобы твои друзья вдруг не заскучали в поезде? И как сама команда должна отнестись к такому поступку?..»

Я отлично знала, что Барчукову в понедельник не нужно выходить на работу. Как вузовский преподаватель, он мог кататься по фестивалям хоть до конца августа. И тут, ради Матвея и Андрея…

«Им давно не важны медали!» Конечно, в чём-то Оля была права. Но я видела, как взволнован был Барчуков после трудной победы над Витей Всеволожским, как гордо ответил Лизе: «В финале!» И, конечно, я помнила, как крепко он дал мне «пять» после того же боя. Определённо, исход «свояка» не был ему безразличен — пусть даже это была его сотая медаль!..

— Я ненадолго,— шепнула я Оле и выбежала из зала.

Промчалась через холл, нажала в лифте кнопку первого этажа, глубоко подышала, чтобы успокоиться.

Вестибюль библиотеки пустовал; только у выхода сидел унылый охранник с кроссвордом. На улице тоже не было ни души. Да и зачем я сюда неслась, по правде говоря?..

Вечер был хорош. До заката было ещё долго, но солнце уже клонилось к западу и подсвечивало сзади стеклянное здание библиотеки, делая его похожим на шкатулку или ёлочную игрушку.

Я уселась прямо на лестнице, по которой вчера бегала, опьянённая воздухом свободы, выезда и лёгкой влюблённости. Взгляд упал на заросли топинамбура, и на душе стало ещё тяжелее.

…Едва вернувшись в зал, я ощутила повисшее в воздухе странное напряжение. Зрители вели себя довольно тихо, лишь иногда то там, то тут раздавались приглушённые смешки. Финалисты, кажется, стали чуть мрачнее, зато Михайлов откровенно веселился.

— Итак, счёт после семи тем: плюс двести — плюс восемьдесят — плюс семьдесят — плюс сто. Продолжаем бой с тенью, господа!

Парень-неформал на сцене засмеялся, оценив шутку; Глинский поморщился; блондин остался серьёзным. По сцене носился фотограф, снимая крупным планом каждого участника финала. Подумав, он сфотографировал и пустой стул.

— Я не знаю, почему так происходит,— задыхаясь от волнения, затараторила мне Оля,— но они почти не отвечают. То ли темы стали сложнее, то ли что-то другое мешает… Даже Дружников отстаёт от Анатолия Михайловича на сто очков!

— Дружников — это тот блондин?
— Да. Помнишь, как он выиграл в Томске?
— Помню. Но сегодня на нём нет пижамки, — отрезала я.
— Точно, нет. Это он зря! — засмеялась Оля.

Впервые я видела её такой взволнованной!

На последней теме любитель «Корпорации монстров» неожиданно довёл счёт до ста пятидесяти. В зале послышались хлопки и одобрительные возгласы:
— Хорош!

Я затаила дыхание. Блондину оставалось взять вопрос за пятьдесят, чтобы сравнять счёт. Тогда, по правилам, следовала «перестрелка» против пустого стула…
— Пять, четыре, — медленно отсчитывал Михайлов время для ответа, загибая пальцы, — три, два, один… зеро.

Глинский раздражённо бросил кнопку на стол. В полной тишине кто-то завопил:
— Пустой стул обжал-таки! Красава, Барчуков!

И тут в зале поднялась такая суматоха, что Михайлову пришлось кричать в микрофон:
— Тройка победителей финального боя по «Своей игре»: Барчуков — плюс двести, Дружников — плюс сто пятьдесят, Платонов — плюс сто тридцать! Впервые вижу, чтобы игрок брал золото, не присутствуя на половине финала!
— Вообще-то не на половине, а на шестидесяти процентах, — негромко поправила Оля.

От избытка эмоций я бросилась к ней обниматься, потом обняла случайно проходившую мимо «ласточку» и едва не кинулась на шею подошедшему Тарасенко.
— Вы знаете, это была красивая игра, — с серьёзным видом заявил Владимир. — Кажется, она теперь войдёт в фольклор сибирских чегекашников. У вас же есть такой?

Я замотала головой.
— А жаль. Он непременно должен появиться, я в этом уверен. Передайте Анатолию мои поздравления. Он ещё не в курсе того, что произошло?
— Я вот только собиралась… сейчас… не помню, был ли у меня его номер…

Мой мобильный, чьи силы были подорваны одиннадцатью звонками родным, устало продемонстрировал мне один процент зарядки и отключился. Я едва не швырнула его об пол.
— Вот, держи, — протянула мне Оля свой пауэрбанк.

Мы переглянулись. Ох, как много значил Олин взгляд!..
— Спасибо… я щас… извините, Владимир…

В холле было немного тише. Чтобы быть в полном одиночестве, я забралась за стоявший у окна баннер с логотипом фестиваля.

Через пару минут подключённый к аккумулятору телефон ожил, и я дрожащими пальцами нашла в адресной книге старый, но ни разу не использованный контакт: «А. М. Тренер». В трубке потянулись длинные гудки.

В первую секунду мне показалось, что я ошиблась номером: знакомый голос звучал глухо и устало.
— Да?
— Анатольмихалыч! — заорала я, едва не опрокинув баннер на себя. — Вы представляете, тут такой фурор! Вас никто не смог догнать! Первое место! Михайлов говорит, что такого вообще никогда не случалось! Тарасенко вас тоже поздравляет! — я перевела дыхание и выпалила, не раздумывая: — Вы просто чудо!

Тут немногочисленные остатки моего мозга, пережившие турнир, собрались и хором осудили меня. Я похолодела и прикусила язык. «Чудо» — это был перебор!

После долгих секунд молчания в трубке раздался… смех. У меня точно камень с души свалился.
— Наташа… Спасибо за приятную новость! Я такого не ожидал. Нет, задел был неплохой, но чтобы выиграть… удивительно!

Где-то на фоне послышалось одобрительное «О-о-о!». Женский голос — кажется, Лизин, — что-то изумлённо переспросил.
— Ещё раз поздравляю, — закончила я, не найдя, что сказать и не опозориться. — Счастливого вам пути, Анатольмихалыч!
— Спасибо! А вам с Олей — провести замечательный выходной на Байкале! До свидания.

Короткие гудки.

Надо же. Когда я говорила ему про Байкал? А, точно, вчера в такси…

Я постояла у окна, вглядываясь в ту сторону, где должен был быть вокзал. Потом, вспомнив карту, я поняла, что всё перепутала, с трудом выбралась из-за баннера и вернулась к своим.

В зале уже вовсю шла церемония награждения. Серебряный и бронзовый призёры «свояка» играли на камеру целую пантомиму, чокаясь наградными кружками. Потом на сцену пригласили команду Вити Всеволожского. Витя схватил кубок «брейна», игроки подняли на руки миниатюрного Витю, и вся эта пирамида едва не рассыпалась прямо на фотографа.
— А вот и моя команда, — вздохнул Тарасенко, наблюдая, как Глинский с четырьмя игроками поднимаются на сцену за кубком.
— И что ж вы сами не выйдете?
— Так это же «Эрудит-квартет»! Вы помните, Наталья, они играли его без меня?
— Обидно, понимаю, — кивнула я. — Мы с Олей тоже остались без медалек. Отбейте, Владимир!

Тарасенко вяло стукнул кулаком по моей руке и печально улыбнулся.
— Владимир, вы идёте сегодня на вечеринку? — светским тоном поинтересовалась Оля.

— Не знаю… Наверное… Меня обещали подвезти на место, а после до гостиницы.
— Тогда увидимся вечером. Не грустите! — я помахала редактору, и мы с Олей вышли из зала.

В холле Оля резко остановилась и побледнела.
— Наташа, помоги мне переложить трофеи, пожалуйста! Мне кажется, что в сумке что-то нехорошо брякнуло…

Мы выложили содержимое Олиной сумочки на диван и принялись аккуратно собирать обратно. Хоть кубок «Своей игры» и сделали из прочного оргстекла, предвидя его долгую транспортировку по Сибири, мы решили перестраховаться и обернули его в Олину шаль. С медалью было проще — она легко поместилась во внутренний карман, а вот с наградными книгами пришлось повозиться…
— Кажется, я уже не особенно жалею, что мы с тобой ничего не выиграли, — подытожила Оля, приподняв увесистую сумку. — Больше мне было бы не унести.
— Хочешь, я заберу кубок себе? А потом и передам Барчукову, — спросила я не без намёка.
— Ну уж нет! Спасибо, но я сама справлюсь, — засмеялась Оля. — Пошли, наверное?
— Пошли… нет, погоди, — я обернулась и увидела Михайлова. — Смотри, идёт в нашу сторону! Может, хочет дать медаль за красивые глаза?
— Ага. Или убить тебя по просьбе редактора, которому ты написала разгромный отзыв, — саркастично усмехнулась Оля. — Ты как хочешь, а я ещё поживу. Подожду тебя возле лифта…
— Ну что, Наталья? — спросил подошедший Михайлов. Я облегчённо вздохнула: судя по выражению его круглого добродушного лица, убивать меня он не собирался. — Кажется, вашу команду сегодня не награждали?
— Увы и ах.
— Сочувствую. Надо это исправить! Вот, держите подарок на день рождения лично от меня, — он протянул мне книгу и кружку с эмблемой Байкальского фестиваля.
— Ох, ёлки-палки… — я замотала головой, отгоняя нахлынувшие воспоминания. — Игорь Леонидович, вы, наверное, не помните… Три года назад на моём первом «ПерСибе» вся наша команда безумно хотела сфотографироваться с вами, потому что вы были знатоком из телевизора и почётным гостем. В перерыве мы поймали фотографа, привели его к вам и выпросили совместный снимок. Тот кадр, где мы с вами вдвоём, сохранился, а тот, где сфотографированы все вместе, почему-то не выложили. Наши ребята тогда очень расстроились…
— Так давайте сфотографируемся сейчас! — развёл руками Михайлов. — Зовите своих друзей!
— Нет, не выйдет. Те, с которыми я ездила тогда, давно не играют, а моя нынешняя команда уже разбежалась… Ой, и зачем я вам всё это рассказываю?.. Мне очень, очень приятно ваше поздравление! Вы не подпишете книжку на память?

Мы проболтали ещё несколько минут, и я убежала догонять Олю.
— Ну, что он?
— Подарил кружку и «Горе от ума» с автографом, — гордо объявила я, вручая Оле книгу.
— «Горе от ума»… «С днём рождения, желаю счастья», — прочитала Оля и приподняла бровь. — Странный подарок участнику *интеллектуальных* игр, тебе не кажется? Да шучу я, шучу!..
— Всё равно приятно, — буркнула я.

Очевидно, что ведущий фестиваля не выбирал подарок заранее, а просто решил отдать мне сувениры, положенные ему как почётному гостю. И всё-таки это внимание со стороны человека, которым я восхищалась три года назад, не могло не растрогать!
— Ну, это бесспорно. Очень мило с его стороны, — одобрила Оля. — Кажется, не мне одной теперь предстоит таскаться с кучей багажа?..
— М-да, — подтвердила я, взвешивая сумку на руке. — Анатолий Михайлович бы нас не понял…

На двери кофейни висел наспех приклеенный скотчем тетрадный лист, гласивший: «Закрыто на банкет!»
— Наташ, нам точно сюда?
— Да вроде адрес верный…

Я толкнула дверь и инстинктивно вжала голову в плечи от оглушительной музыки. Играли «Everybody»!

В уютной, но слишком маленькой кофейне было не протолкнуться. Казалось, что все тридцать команд по шесть человек решили ради эксперимента втиснуться в две комнатки, в большей из которых помещались всего-то десяток столиков и барная стойка.

Не понимая, что происходит, я пробралась к одному из столов, где было поменьше народа. Увидев меня, кто-то сразу подскочил и предложил мне стул. Тарасенко был в своём репертуаре!
— Да ладно вам, Владимир, я здесь только посмотреть…
— Ничего-ничего, садитесь, Наталья! А где ваша подруга?

Оля вскоре нашлась за соседним столом в компании незнакомого мужчины. Незнакомец держался очень просто: подозвав официанта, он заказал чай на двоих, что-то шепнул Оле и открыто, душевно засмеялся.

Я поймала себя на том, что слишком долго сижу, открыв рот, и поспешно придала своему лицу вид, более уместный в компании умных людей. Подумаешь, у Оли нашёлся ухажёр! Вон, она сама всё шутит, что Владимир слишком засматривается на меня. Но ведь я выше таких подколок!
— А, вон она! Я вижу, Георгий не даст ей заскучать, — усмехнулся Тарасенко.

— Г-Георгий?..
— Щербицкий, из иркутского ЧГК. Мы познакомились, когда он вёз меня в Иркутск из Байкальского лагеря. Очень приятный собеседник — я и не заметил, как прошли три часа дороги. Георгий и сегодня взял на себя роль моего водителя…

Всё понятно: это Олин знакомый по прошлогоднему лагерю. Теперь я припомнила, что Оля пару раз здоровалась с ним у меня на глазах — даже сегодня в перерыве между турами. Странно, что я до сих пор не обращала на него внимания! Хотя… чего ж тут странного, если оба турнирных дня я провела, не отрывая взгляда от «Плюс шести» с их капитаном!

Тарасенко извинился и куда-то ушёл, а за мой стол подсела компания каких-то чрезвычайно громких девушек (по-моему, тех, что вчера ловили Витю Всеволожского на селфи). Кажется, я не совсем правильно представляла себе, как проходит «after-party»…

— Итак, думаю, мы можем начать! — объявил в микрофон Дима Белых. — Традиционная и всеми любимая «музыкальная азбука»: на каждую букву алфавита загадана песня или исполнитель.

Публика одобрительно загудела.

— Но! Сегодня азбука будет не совсем обычной! Все исполнители будут зарубежными, а алфавит — английским! У вас на столах лежат бланки, начинайте их заполнять… Через минуту я включаю первый трек!

— О, круто! — одобрила одна из моих соседок, подписывая название команды ярко-фиолетовой ручкой. — Теперь давайте по очереди: кто знает каких-нибудь исполнителей зарубежки на «А»?

— Вивальди, — пожала я плечами.

— Так на «А» же!

— Он Антонио, — объявила я и ушла.

В соседней комнатке стояли грустные читинцы, которым не хватило места за столом.

— Слушайте, ребят, по-моему, это не моё, — призналась я сокомандникам. — Пойдёмте лучше гулять.

— Пошли, мы как раз собирались. А Оля?

— Она встретила кого-то знакомого, так что, наверное, останется здесь… Сейчас спрошу у неё.

Снова толпа, надрывающиеся колонки и напряжённый гул обсуждения, висящий над столиками. Однако играли в «музыкальную азбуку» не все: многие просто стояли у стен или возле барной стойки и пытались разговаривать под грохот музыки и Димины возгласы: «Следующий трек!»

Лавируя между столами, я едва не врезалась во Владимира. Тот как раз подписывал книжку какому-то поклоннику (не иначе как тоже поленился везти подарки в багаже!).

— Наталья? Вы не играете? Отчего же?

— Мне здесь не нравится, — честно сказала я. — Лучше пойду гулять с «Читаго Бэрз». Вернулась за Олей.

— Да… понятно… — Тарасенко задумался, держа книгу в руках.

Поклонник вежливо кашлянул. Владимир вручил ему автограф и крикнул уже мне вслед:

— Подождите, Наталья! Я пойду с вами!..

Всю панораму, открывавшуюся с бульвара Гагарина в этот вечер, можно было нарисовать тремя красками: персиковое небо с серо-фиолетовыми облаками и река тех же цветов встречались на почти чёрном горизонте. Хотя нет — к этой палитре примешивались ещё и белые струи фонтана, устроенного прямо на воде.

Здесь было довольно многолюдно. Мы обошли памятник Александру Третьему и встали у парапета, обдумывая, куда идти дальше.

— Вот это — остров Юность. Мы гуляли там вчера, — пояснила Лена, настраивая камеру.

Прямо от набережной отходила насыпь к крупному острову; вверху, над кронами деревьев, виделся силуэт колеса обозрения.

— Какое поэтичное название, — кивнул Владимир, по-онегински облокотившийся на гранит.

— Вы можете пойти туда с девчонками, если они не против. А мы, пожалуй, уже выдвинемся домой. Надо собирать вещи, завтра днём на поезд, — вздохнул Ваня.

— На поезд? А сколько отсюда ехать до Читы?

— Почти сутки… Часов восемнадцать.

— Восемнадцать!.. Вот это здесь расстояния… — протянул Тарасенко в изумлении. — Так вы уже уходите?

— Да. До свидания, Владимир. Спасибо вам за компанию, и в лагере тоже!

Кирилл попытался было протестовать, но безуспешно. Всю дорогу от кофейни до набережной мы с ним осаждали Тарасенко, болтая о «свояке», футболе, родословной и прочих абсолютно не связанных между собой, но чрезвычайно интересных вещах. Оля по большей части молчала; Ваня же с Леной ушли далеко вперёд и беседовали о чём-то своём.

Читинцы обнялись с нами, пожали руку Тарасенко и скоро скрылись из вида. На прощание я взяла с Вани слово привезти команду на «Енисейскую знать», а взамен сама пообещала протащить ребят по всему Красноярску.

— Ловлю на слове! — крикнул Ваня уже издалека. — Я буду у вас уже в сентябре, так сказать, разведаю обстановку. Увидимся, девчонки!..

Мы остались втроём. Оля поглядела на часы:

— Уже поздно, кажется… В какую вам сторону, Владимир?

— Я не знаю, — пожал плечами Тарасенко. — Георгий должен был доставить меня до гостиницы. Могу сказать вам название и адрес…

— Ну, онлайн-карта у вас хоть есть?

— Нет, к сожалению.

«Ох ты, горе луковое!» — промелькнуло в моей голове. Судя по взгляду Оли, она подумала примерно о том же. Бросить одинокого редактора на улицах суровой Сибири, почти в шести тысячах километров от дома, было бы преступлением.

— Кажется, я нашла вашу гостиницу. Тут всего минут двадцать ходьбы, и бóльшую часть пути можно пройти по набережной. Пойдёмте гулять! — объявила я, сориентировавшись по карте.

— А до аэропорта вы сами-то доберётесь? Когда у вас самолёт? — спросила Оля с почти незаметным скепсисом.

— Не беспокойтесь, Ольга! Меня обещали подвезти. Рейс завтра ранним утром.

— С пересадками?

— Да, три часа подожду в Москве.

— Это же можно с ума сойти!

— Не скажите, Наталья. Сколько, по-вашему, я добирался бы по железной дороге?

Разговор свернул в философское русло, а именно — к противостоянию поездов и самолётов. Я влюблённо рассказывала Владимиру о романтике поездных путешествий, один раз даже процитировав стихи про ночь в поезде.

— Это вы сами написали?

— Нет, это Олино творчество.

— Браво, Ольга! Но… — Тарасенко прищурился и продолжил заговорщицким шёпотом: — Погодите, Наталья, я же видел *в вашем* блокноте какие-то стихи! И как раз про поезд.

Оля бросила на меня изумлённый взгляд. Я в отчаянии покраснела:

— Да нет, Владимир, это… так, у меня ничего не получилось… А как вы узнали?

— Так вы же вчера сами просили меня оставить автограф. Я открыл ваш блокнот, увидел стихи, а спросить о них не успел.

Точно, а я и забыла. Впрочем, провал чгк затмил для меня всё, что происходило между турами…

Вскоре совсем стемнело. Бульвар Гагарина, плавно перетёкший в небольшую улочку, вывел нас к оживлённой (конечно, по меркам Иркутска!) магистрали. На другой стороне дороги красовались аккуратные старинные домики, напоминавшие фигурки в центре снежного шара. Некоторые из них были подсвечены неоновыми гирляндами, точно накануне Нового года, — как по мне, это было излишним.

Оля включила камеру на телефоне и отошла от нас, ловя наиболее удачную перспективу игрушечного проспекта. Я повернулась к редактору:

— Вы не обижайтесь, Владимир, но теперь мы вас покинем. Уже темно, а нам с Олей ещё добираться до хостела… Вам осталось пройти полтора квартала вон в ту сторону, гостиница будет в одном из тех кирпичных домов. Сориентируетесь?

— Конечно. Спасибо вам, — тепло улыбнулся Тарасенко. — И ещё, Наталья. Я хотел бы вручить вам небольшой сувенир…

Я взглянула на подарок и отчаянно попыталась не расхохотаться. Определённо, Диме Белых не стоило осыпать почётных гостей хрупкими памятными подарками!

— Вла… Вла… димир, спасибо вам, но у меня уже есть точно такая же кружка, Михайлов подарил сегодня после игры…

— Вот как? Ну ладно. А у Ольги такой нет?

— Нет. Отдайте лучше ей, она обрадуется, — заверила я.

При виде кружки Оля просияла и искренне поблагодарила Тарасенко. (Как же хорошо, что перед вечеринкой мы зашли в хостел и оставили там все барчуковские трофеи — иначе Оле пришлось бы вызывать грузовое такси!)

Мы стояли на перекрёстке. На светофоре над красной фигуркой человечка сменялись цифры: «0:15… 0:14… 0:13…»

— Счастливо вам добраться, Владимир, — нарушила я тишину. — И сегодня до хостела, и завтра на самолёте.

— Спасибо, Наталья! И вам удачной дороги! Вы же найдёте меня в скайпе? Я оставил вам в блокноте свой логин.

— Ну конечно!

Пауза.

— А вы, Ольга? Не желаете тестировать мои вопросы? Наталья и Кирилл уже согласились.

— Интересное предложение, — улыбнулась Оля. — Не могу обещать, что у меня найдётся время, но…

Две секунды, одна секунда, зелёный.

— До свидания, Владимир! — крикнула я, кажется, чуть громче, чем следовало.

— До свидания! Рад был познакомиться!

Тонкая фигура в чёрной рубашке поло и тёмных джинсах быстро растворилась в сумраке улицы. Надо же! Вчера утром я ещё не знала этого человека, а теперь провожаю его с тяжёлым сердцем, словно старого друга. Определённо, на выездах время течёт по-другому!

— Я очень надеюсь, что ему по дороге не встретятся местные гопники, — прервала мои размышления Оля. — Иначе поездка в Сибирь запомнится Владимиру точно не Байкальским фестивалем…

— Да ну тебя, Оля! — я не выдержала и расхохоталась. — Пошли-ка к хостелу, а то не ровён час…

— Вот-вот, пошли. Кстати, а куда?..

Видимо, на этот день нам было недостаточно приключений. Мы умудрились перепутать Нижнюю набережную с бульваром Гагарина (из-за поворота Ангары её правый берег изгибался почти под прямым углом, образуя две эти набережные) и долго спорили, в каком направлении от нас находится хостел. Под конец маршрута я застряла ногой

между досками деревянного тротуара, проложенного вокруг здания на реконструкции, и заорала благим матом: мне показалось, что на меня напал какой-нибудь иркутский сухопутный крокодил или очередной комар-переросток.

Мы вернулись домой всего лишь в половине десятого, но были до того усталыми и голодными, что казалось, будто мы гуляли ночь напролёт. Однако едва я приползла на кухню и открыла холодильник, моё сердце растаяло.

— Оля, будешь тортик? Я угощаю!

От одного вида подарка, так трогательно начавшего моё утро, мне полегчало. Я поставила тортик на стол и побежала набирать воду в чайник.

— Не откажусь, спасибо,— тепло улыбнулась Оля.— Надо же попробовать, что там получилось состряпать посреди ночи…

Вода уже полилась из носика чайника, а я всё так же держала его под струёй, пытаясь осмыслить Олины слова.

— Как-как? Стряпать посреди ночи? Разве вы не купили его в супермаркете?..

— Нет, что ты! Анатолий Михайлович сам его готовил из бананов, печенья и сливочного сыра вчера ночью, когда ты ушла спать. Это была его идея, я только немного ему помогала!

— Офигеть,— проговорила я.

— Это похоже на него. Помню, был такой случай: однажды восьмого марта мы поехали на турнир, а у нас в команде были одни девушки. Так Барчуков принёс в поезд самодельный торт с… Да выключи ты воду, наконец!— засмеялась Оля.

Я выключила кран, поставила чайник и села за стол. Оля демонстративно закрыла лицо рукой, вынула чайник из раковины и переставила куда требовалось— закипать на подставку.

Кухонные часы показывали без четверти десять. Значит, наши едут уже около пяти часов…

Мне живо представилось купе «Плюс шести». (Дашкевичи, конечно, тоже едут этим поездом, но они наверняка в плацкарте, отдельно от барчуковской команды!) На верхней полке храпит Матвей, морщится и часто зевает Василий с электронной книгой, Андрей тоже спит или негромко разговаривает с капитаном… Барчуков отвечает ему, почти не отрываясь от ноутбука; на экране— либо мудрёные экономические статьи по работе, либо вопросы ЧГК— для души.

Интересно, что запомнится ему из этой поездки? Легендарная победа, которую он не увидел? Ночная прогулка? Цветок топинамбура?..

Мы аккуратно отрезали от торта по четвертинке, а остаток отправили в холодильник до завтрака.

— Знаешь, Оля,— сказала я, вертя в руках одинокую свечку,— два года назад родители заказали мне на совершеннолетие гигантский торт с фотопечатью. Вот ты не поверишь, но он был далеко не такой вкусный!

— М-м-м,— согласилась Оля, отпивая чай.— У Анатолия Михайловича золотые руки.

— И не говори!— я замотала головой, отгоняя от себя мысль, что вот здесь, на этой кухне, вчера ночью будущий герой «свояка» сосредоточенно смешивал сливочно-банановый крем и склеивал им печенье. В три часа ночи. В семь утра ему нужно было вставать на «Свою игру»…

Оля встала из-за стола, вымыла чашку и блюдце, повернулась ко мне. В её голосе звучало лёгкое смущение:

— Наташа… А про какие стихи говорил сегодня Тарасенко?

— Я обязательно тебе покажу,— задумчиво проговорила я, обводя свечкой узор на блюдце,— но потом, когда будет готово. Там всё равно ничего выдающегося.

— Зря ты так. Но ладно, я подожду,— кивнула Оля.— Спокойной ночи!

— Спокойной…

По краю блюдца шёл орнамент из крупных жёлтых цветов. Похоже на топинамбур— или фейерверк над старым городом— или искры в окне поезда…

Я почувствовала, что клюю носом, и резко встала из-за стола. Четырёхчасовой сон наконец дал о себе знать!..

Тудум-тудум. Тудум-тудум.

От стука колёс и невыносимой жары трещала голова.

В плацкартном вагоне было не меньше тридцати градусов, и даже открытая форточка не могла исправить положение. Я лежала на верхней полке, уткнувшись лицом в простыню, и медленно умирала от тоски. Напротив меня что-то читала Оля, снизу же разместились две недружелюбные соседки. Оставалось ещё семь часов пути.

Вот она, обратная сторона железнодорожной романтики! Даже Владимир, летевший с пересадкой через всю страну, наверняка уже дома.

Уснуть не получалось. Едва я закрывала глаза, как видела бесконечное небо и зеркало воды того же ясно-голубого оттенка. Вчера, когда я фотографировалась на фоне Байкала, меня чуть задело волной от прошедшей моторной лодки. Кеды мигом промокли; от неожиданности я заорала так, что меня было слышно, пожалуй, на другом берегу озера. Вот дура! Сейчас я не отказалась бы от такого прохладного душа…

Я приподнялась и пошарила рукой на багажной полке, но нащупала только пустую бутылку из-под воды. О, проклятие!..

— Оля, я пойду искать проводницу. Вдруг у неё продаётся что-то жидкое и холодное?— пробормотала я и сползла с полки.

Шлёпнула себя по лбу, залезла обратно и взяла сумку. Оля кивнула, не отрываясь от чтения.

Вода действительно нашлась. Конечно, она стоила баснословных денег, но теперь я готова была отдать за один глоток всё самое ценное, что было у меня,— чудом не растаявшую шоколадную сову, книгу и кружку Михайлова и блокнот с автографом Тарасенко. Правда, вряд ли проводница польстилась бы на это!..

Выпив залпом полбутылки и умыв лицо, я почувствовала, что оживаю; однако возвращаться в свой отсек мне уже не хотелось. Я зашла в тамбур, где было прохладнее, и устроилась у окна на крышке мусорного ящика. «Когда б вы знали, из какого сора…»— а впрочем, есть ли разница?

На широкую и плоскую деревянную крышку легко было забраться даже с ногами. Пассажиры мне не мешали: до ближайшей станции было далеко, и люди в вагоне в основном дремали, разморённые небывалой августовской жарой.

Итак, я уселась у окна и вынула из сумки блокнот. Задержалась взглядом на автографе Владимира, выведенном забавными печатными буковками, пролистнула немного назад и погрузилась в нахлынувшие воспоминания, словно в прохладное озеро.

И темнота, и гул колёс,
И дует от окна.
Порой над лесом промелькнёт
Растущая луна
И спрячется…

Тьфу ты, ну куда без романтизма! Не хватало ещё снежной бури или грозы за окном для полной коллекции штампов. Но ничего другого в голову не шло, и я оставила это как есть.

…И спрячется. Вагон-плацкарт
Уж смотрит пятый сон,
И тихо звякает стакан
Сопенью в унисон.

Сопенью— это было мягко сказано: Матвей гудел, как пароход. Впрочем, ладно.

По столику полоской свет
От редких фонарей
На станциях мелькнёт— и нет.
У поездных ночей
Особый шарм…

Я глубоко вздохнула и отвернулась к окну. Поезд с грохотом пронёсся по мосту через какую-то мелкую речку, и вскоре снова началась вечная монотонная тайга.

За окнами— глухая ночь,
Но паровозный дым
Пронизан искрами, точь-в-точь
Как фейерверк. За ним
Белеют звёзды…

—…О-бал-деть. Какие огромные!— я прижалась подбородком к стеклу, стараясь заглянуть как можно выше.

— Это оттого, что мы за городом, Наташа. Дома таких не увидишь— мешают смог и световое загрязнение. А хотелось бы, не правда ли?

— Ну конечно. Просто невероятно!..

…В городах
Не увидать таких…

—…Знаете, Наташа, это именно то, чего мне не хватает в городе. Помню, в детстве в деревне мы с другом выбрались на ночную рыбалку. Взяли лодку, выплыли на середину озера… Ничего не поймали, зато всю ночь любовались звёздным небом!.. Да. Хотите взглянуть, Оля?

Барчуков пересел, уступив своё место у окна. Редко на его лице можно было увидеть такую мечтательную улыбку без тени усмешки! Мы переглянулись, и он приложил палец к губам: кто-то на верхней полке недовольно заворочался.

Колёса отбивают такт
Некрасовской строки…

Это было так хорошо, что на этой ноте можно было бы всё и завершить. Или нет?

Четвёртый месяц в голове
Одна и та же ночь…

Нет, это не годится. Я вычеркнула последние две строчки и схватилась за голову, придумывая им замену… Но именно в этот момент— конечно же!— я заметила, что к урне выстроилась целая очередь, и мне пришлось покинуть своё импровизированное рабочее место.

В нашем отсеке было по-прежнему сонно и душно. Одна из соседок пришла вслед за мной, осторожно неся коробку только что заваренной лапши. И как можно в такую жару есть что-то горячее?!

Я закинула сумку с блокнотом на багажную полку, отвернулась к стене и закрыла глаза. Резкий острый запах, точно мадленовское печенье, немедленно вызвал целый ворох ассоциаций.

— А куда делся Василий?— спросила я, оглядывая купе.

Мы с Олей ехали с «Плюс шестью» уже часа полтора и успели сыграть пару туров тренировочного пакета. Я только-только запомнила всех по именам (исключая Барчукова, конечно,— его я знала давно), но уже чувствовала себя своей в этой компании.

— Наверное, ушёл заваривать «Доширак»,— пожал плечами Анатолий Михайлович.

— Так надолго?!

— Да ведь это же целое искусство!— воскликнул Матвей.— Не верите? А зря!

— Может, не надо…— слабо запротестовала Оля, но больше для вида.

Однако Матвей под одобрительный хохот «Плюс шести» уже устроил целое представление: открыл собственную коробку лапши, с видом дегустатора вдохнул пар и мелкими движениями, отставив мизинчик, всыпал в лапшу приправу из пакетика.
— Погоди секунду! Вот теперь продолжай!— крикнул Андрей, копаясь в телефоне.

Заиграла «Весна» Вивальди, и мы попадали со смеху.

В середине спектакля вошёл Василий с коробкой, оглядел умирающее купе и неодобрительно покачал головой. Ему уступили место у стола, и он начал свой обед: осторожно открыл крышку, деловито посолил и размешал лапшу.

Все сидели в полной тишине. Василий заозирался:
— А чего вы музыку выключили?

Как я ни крепилась, удержаться от хохота было невозможно.

Жара не уменьшалась. Соседки негромко, но назойливо заспорили о том, что вкуснее— «Доширак» или «Роллтон».
— Оля!— прохрипела я.
— Что?
— Полумрак— «Доширак».
— Позвать проводника с аптечкой?— деловито поинтересовалась Оля.
— Нет. Я дарю тебе эту рифму. Вдруг ты задумаешь ещё стихи про железную дорогу?
— Да какие тут стихи?— вздохнула Оля.— Без команды в поезде совсем тоскливо.

Я согласно помолчала и придвинулась как можно ближе к форточке, подставив лицо прохладному ветру. Но не прошло и нескольких минут, как моё блаженство кончилось: поезд остановился. Диспетчер прогнусавила: «Скорый поезд номер… на вторую платформу… нумерация вагонов…» Люди в плацкарте ожили и высыпали на перрон; наши соседки тоже куда-то ушли.
— Вот мы и возвращаемся,— прервала тишину Оля.— Странная вышла поездка. Трудно даже сказать, успешная или нет…
— Да ты что! У нас столько достижений! Почётное восемнадцатое место в общем зачёте,— я загнула палец,— много смазанных фотографий, мои стёртые ноги, разбитое сердце Гоши Щербицкого…
— Не Щербицкого, а, скорее, Тарасенко,— перебила меня Оля.— И что ты привязалась к Гоше?
— Ну как же! А зачем, по-твоему, он вчера возил нас на смотровую, а потом в сто тридцатый квартал? Ещё и угостил ужином в ресторане!
— Я ж тебе в сотый раз говорю: Гоша— мой друг из лагеря,— обиделась Оля,— вот он и встретил нас *по-дружески*. Почему он непременно должен за мной ухаживать?
— Да шучу я, шучу. Очень приятный парень,— успокоила я Олю.

Тарасенко не соврал: Щербицкий оказался превосходным гидом. Интуитивно он подобрал для маршрута именно то, что нас интересовало: Оля пофотографировала живописные церквушки и деревянные наличники в историческом квартале, а я половину дороги проболтала с Георгием о декабристах, живших здесь на поселении. Кажется, о лучшем завершении поездки я не могла и мечтать!..

Оля, кажется, не приняла моё оправдание и надулась, уткнувшись в телефон. Надо было пользоваться случаем: Интернет ловил только на крупных станциях. Я закрыла глаза, вслушиваясь в бормотание диспетчера за окном. Чита— Анапа… Владивосток— Москва… Нерюнгри— Москва… Интересно, где находится это Нерюнгри?..

Сперва тихо, но всё громче и отчётливее до меня донёсся сдавленный смех.
— Погляди, Наташа,— шепнула Оля, протягивая мне телефон,— тебе это понравится!

Я без особенного интереса взглянула на экран… и едва не свалилась с полки. Первым, что бросилось мне в глаза, была фотография Барчукова, сделанная на каком-то награждении лет пять назад. Над картинкой помещался заголовок: «Красноярец победил в фестивале интеллектуальных игр, сбежав после половины финала».
— Кто… кто это написал?..
— Понятия не имею! Статья вышла на сайте сибирских новостей. Да почитай же, что там написано!

Заметка была на редкость корявой. Очевидно, что писавший её журналист был далёк от ЧГК и переврал кучу вещей: камерный Байкальский фестиваль получил звание «крупнейшего турнира за Уралом», а к Дружникову, Платонову и Глинскому присоединился ещё и мифический «четвёртый соперник Барчукова». Но факт оставался фактом: как и предсказывал Тарасенко, победа Анатолия Михайловича уже вошла в чегекашный фольклор. И это, чёрт возьми, было приятно!
— Силы небесные, что за белиберда!..— задыхаясь от хохота, выдавила я.— А пафоса, пафоса сколько! Но всё равно это очень мило.

Оля кивнула, не переставая беззвучно смеяться.
— Вот так… и побеждай… а потом про тебя такое напишут!
— Видишь, Оля, мы с тобой всё правильно сделали.
— Что-что?
— Что не победили. Кто скажет, что наша поездка вышла неудачной?..

Постепенно люди возвращались в вагон; наши соседки снова заняли нижние полки, и нам пришлось замолчать. Поезд тронулся.
— Перешли мне это, пожалуйста,— попросила я Олю, возвращая ей телефон.
— Погоди минутку… Всё, готово.

Я ещё раз пролистала статью. Мои глаза задержались на фразе: «Уже в поезде Анатолию позвонили и сообщили, что кубок „Своей игры“ достался именно ему». *Позвонили и сообщили…* Как безлико это звучало!

И всё же речь шла именно о нас с Олей. Всё было справедливо: я взялась рассказать Анатолию Михайловичу о триумфе, а Оля — вручить ему кубок. Пусть опосредованно, но мы оказались хоть чуть-чуть причастными к этой легенде!..

Барчуков улыбался, победоносно и чуть иронично глядя прямо в камеру. В моей голове всё звучал усталый, но радостный голос: «Наташа… Спасибо за приятную новость!»

Я достала наушники, подключила к телефону и нажала на случайный выбор трека. Очень кстати включилось «Паспье» Дебюсси, и монотонный ритм фортепиано зазвучал в такт колёсам поезда.

Свежий ветер, врывавшийся в форточку, напоминал о ночи на Нижней набережной.

● ● ●

Снова поезд, снова ночь —
Значит, снова время прочь.
Меж мирами безвременье,
Среди ночи чай с печеньем.
Разговоры без цензуры,
Редко — проводницы-дуры,
Неумолчный храп соседа,
Километры за беседой.
Хоровод воспоминаний,
Пополненье базы знаний.
Под мельканье семафоров —
Километры разговоров.

● ● ●

И темнота, и гул колёс,
И дует от окна.
Порой над лесом промелькнёт
Растущая луна
И спрячется. Вагон-плацкарт
Уж смотрит пятый сон,
И тихо звякает стакан
Сопенью в унисон.

— Который час? — Почти что три.
Давно пора бы спать. —
Давно пора… но стоит ли
Об этом вспоминать?
По столику полоской свет
От редких фонарей
На станциях мелькнёт — и нет.
У поездных ночей

Особый шарм. Наш разговор
Прервётся лишь на миг,
Когда со шваброю пройдёт
Суровый проводник.
— Всё шепчетесь? Идите спать!
Ну засиделись вы! —
И правда: всё трудней прогнать
Туман из головы.

За окнами — глухая ночь,
Но паровозный дым
Пронизан искрами, точь-в-точь
Как фейерверк. За ним
Белеют звёзды — в городах
Не увидать таких…
Колёса отбивают такт
Некрасовской строки.

…Беседуем — как тут уснуть!..
— Ох, Боже! Шесть утра!
Я вас замучила. — Ничуть.
И так вставать пора… —
Пора! Полуночных бесед
Проходит время. Вот
Уж заворочался сосед,
И розовый восход

Вливается в окно, тесня
Вагонный полумрак.
Вот кто-то бережно несёт
Кипящий «Доширак»,
И проводник на весь вагон
Кричит сквозь шум и лязг:
— Сдаём бельё! Мы через час
Прибудем в Красноярск!..

И ночь прошла… Уже в окне
Мелькают гаражи,
Но город пасмурный меж тем
Мне кажется чужим.
И невозможно досказать
Ночных историй — днём…
Лишь ложка бьётся о стакан
С остывшим «три в одном»[26].

……

26. Стихи Анастасии Прохоренко.